

Если Ленин вместе с Л. Морганом, Эр. Геккелем типичное ощущение считал связанным только с органической материей, а в фундаменте материи, по его словам, можно лишь допускать материальные предпосылки его, что-то сходное с ощущением, но не тождественное с ним, то данный критик полагает: «Мы можем сделать общий вывод, что для понимания поведения животных (а речь шла преимущественно о таких подопытных, относительно высоко стоящих животных, как о курах, обезьянах, кошках и т. п.) нам нет надобности и нет повода прибегать к каким-либо трансцендентным, мистическим факторам, как бы они ни назывались. Все авторы, которые вводят подобные факторы, делают это под влиянием стремления во что бы то ни стало найти у животных моменты, качественно идентичные психике человека (или качественно подобные, но менее развитые)». Здесь наш критик, хотя бы и в глубоко иронической форме, довольно точно повторяет положительно выраженную выше Лениным задачу диалектического материализма о «возникновении» сознания.

Да, диалектический материализм, в лице, например, В. И. Ленина, считал своей положительной задачей «найти у животных моменты, качественно идентичные психике человека или качественно подобные, но менее развитые», против чего собирается бороться наш критик. «Остается еще исследовать, — говорит В. И. Ленин, — каким образом связывается материя, неощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения», в развитой форме хорошо известной науке по состояниям человека. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям». Но т. В. М. Боровскому кажется, что «указанное стремление ведет по прямой линии к какой-нибудь форме панпсихизма<sup>1)</sup>, и, например, Ллойд Морган в первых книгах был очень не далек от такой точки зрения»<sup>2)</sup>.

«Всегда найдутся желающие, — продолжает Боровский, — предложить, что помимо действующих факторов имеются еще «сопровождающие» их «высшие» явления. Всякому вмешательству «высших» сфер в наши земные дела и события мы противопоставим самый резкий отпор. Наша борьба должна быть направлена против активных, действительных метафизических факторов, обуславливающих каким-либо путем поведение организмов»<sup>3)</sup>; сюда же относится сравнение т. Боровским «всякой попытки найти признаки сознания у высших животных» с представлениями патера Васмана и т. п. И все это пишется по поводу попытки Л. Морганом экспериментальным образом решить вопрос о «возникновении сознания», разрешение которого так горячо рекомендовал ученым В. И. Ленин, прямо ссылаясь при этом на Л. Моргану, отрицавшего сознание у неорганической материи, инфузорий, гидродов и находившего его только у высших животных.

Прежде чем перейти к изложению взглядов основателя научного биохевиоризма Л. Моргану, мы обратим внимание на вышеприведенные слова В. М. Боровского. В них заключаются явные недоразумения. Речь у него идет о невозможности (конечно, научно обоснованной) приписывать животным какие бы то ни было состояния сознания вопреки ясной установке философии марксизма. В. М. Боровский является последователем Уотсона,

<sup>1)</sup> Конечно, при опорочивании какой-либо идеологии словом «панпсихизм» надлежит различать панпсихизм Лейбница от теории одушевленности природы у некоторых материалистов (Даметри, Дидро и др.), не сваливая в одну кучу, как явления глубоко различные.

<sup>2)</sup> Ор. cit., стр. 189.

<sup>3)</sup> Ор. cit., стр. 160.



на что есть прямые его указания в статье и о чем легко можно догадаться на основании приведенного его утверждения.

Отыскание экспериментальным путем проявлений сознания у животных есть очередная и необходимая задача науки, по мнению В. И. Ленина. Разрешение этой задачи необходимо для диалектического материализма. Оставляя вопрос о том, является ли сознание «высшим» или «низшим» состоянием, как вопрос условный и терминологический, марксисту, например, можно было бы говорить с полным основанием: «состояния сознания» присущи высокоорганизованной, «высшей», материи, — мы обратим внимание на утверждение В. М. Боровского: «для понимания поведения животных (а Л. Морган — основатель науки о поведении животного) нет надобности решать вопроса о «возникновении» у них сознания и его роли в поведении; а если кто экспериментальным путем и пришел бы к утверждению наличия сознания в некоторых формах поведения животных, то независимо от его экспериментальных данных он уже впал, по В. М. Боровскому, в мистику, метафизику, начал низводить «божественные, небесные силы для вмешательства в земные дела». Такое представление расходится со взглядами диалектического материализма на сознание. Ленин в связи с вышеприведенным местом, где он упоминает о Моргане, Геккеле и Дидро, приводит взгляды последнего на отношение материи и сознания, как материалистические взгляды на возникновение сознания: «Возьмите яйцо. Что такое это яйцо? Масса неощущающая, пока в него не введен зародыш, а когда в него введен зародыш, то что это такое? Масса неощущающая, ибо этот зародыш, в свою очередь, есть лишь инертная и грубая жидкость. *Каким образом эта масса переходит к другой организации, к способности ощущать, к жизни?* Посредством теплоты. А что производит теплоту? Движение. Вылупившееся из яйца животное обладает всеми вашими эмоциями, проделывает все ваши действия. *Станете ли вы утверждать вместе с Декартом, что это простая машина подражания?* Но над вами расхохочутся малые дети, а философы ответят вам, что если это машина, то вы — такая же машина. Если вы признаете, что между этими животными и вами разница только в организации, то вы обнаружите здравый смысл и рассудительность, вы будете правы; но отсюда будет вытекать заключение против вас именно, что из материи инертной, организованной известным образом, под воздействием другой инертной материи, затем теплоты и движения, получается способность ощущения, жизни, памяти, сознания, эмоций, мышления»<sup>1</sup>). (Курсив наш — З. Ч.).

В этих утверждениях Дидро, имеющих в современной науке более «свежие» примеры «перехода количества в качество», выразительно подчеркнут переход от «неощущающей массы» к наличию в ней «ощущения памяти, сознания, эмоций, мышления». И этот пример уж ни в коем случае нельзя трактовать как пример признания всеобщей одушевленности природы (в то время как другие места в сочинениях Дидро дают повод отмечать тенденции к такому признанию). Данный пример В. И. Ленин приводит, как иллюстрацию взглядов диалектического материализма.

Мистик ли Дидро, вводя в описание развивающейся жизни животного характерные для определенной ступени этого развития состояния сознания; низводят ли Дидро и Ленин «высшие, небесные силы для вмешательства в земные дела», когда они говорят, что «продуктом организованности материи» («высшей» ее ступени) является состояние сознания? Но В. М. Боровский

<sup>1</sup>) Цитировано по «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, 1920, стр. 27.



предпочитает держаться не взглядов материализма, а тем более диалектического, а упомянутых в цитате Дидро взглядов Декарта и святых отцов Сорбонны, которым свои взгляды посвятил Декарт, а именно: сознание имеет лишь человек, животные его совсем лишены, они — «простые машины подражания»; вполне аналогичная параллель у В. М. Боровского: «некоторые авторы (Л. Морган, Торндайк, Перке, М. Dougall и др.) стремятся найти у животных состояния сознания, свойственные человеку «или качественно подобные, но менее развитые»; такое стремление является, по Боровскому, научною ересью (или, по его терминологии, «мистикою», «метафизикою» и т. п.); животные не имеют доказуемых состояний сознания, все их поведение объяснимо только как «условные рефлексы».

Другой термин В. М. Боровского — название им состояний сознания «активными» состояниями, «обуславливающими каким-либо путем поведение организмов» — предназначен им также для опорочивания проблемы отыскания возникновения сознания на некоторой ступени момента прогрессивно развивающегося ряда материальных явлений. Но как назовет уважаемый В. М. Боровский терминологию и утверждение Маркса: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда и тем более необходима, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом выполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил»<sup>1</sup>).

Что мог бы сказать критик с установкой В. М. Боровского о словах К. Маркса по поводу «активности» сознания: «сознательная цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий», или о словах Г. В. Плеханова: «вопрос не в том, субъективно ли знание: это разумеется само собою», при том условии, что нашему знанию в жизни бесспорно принадлежит большая активная роль.

Конечно, и К. Маркс, и Г. В. Плеханов свои приведенные слова объясняют вполне материалистически; иное им трактование может давать или идеалист или последователь Уотсона. Сознание, являясь функцией высокоорганизованной материи, производною материи, является не просто бесцельным «эпифеноменом» (побочным явлением), а состоянием, имеющим «свою роль» среди явлений природы. Эта роль заключается, по Энгельсу, как то описывает Ленин, в следующем: «Энгельс постоянно и без исключения говорит в своих сочинениях о вещах и об их мысленных изображениях или отображениях (Gedanken Abbilder), при чем само собою ясно, что эти мысленные изображения возникают из ощущений»<sup>2</sup>).

О большом жизненном значении этих отображений (что и можно разуметь в данном случае под словом «активный») говорит Ленин: «господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат

<sup>1</sup>) Маркс, «Капитал», т. I, отдел третий; последняя фраза Маркса характеризует труд как социальное поведение в отличие от труда как только биологического явления: «целесообразная воля, выражающаяся во внимании», тем более необходима, чем меньше рабочий наслаждается трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил; труд как игра физических сил был бы чисто биологическим фактом там, где замешаны интеллектуальные силы, а тем более управление собою — «воля», там труд представляет уже социальное явление.

<sup>2</sup>) Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 32.



объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает практика) есть объективная, абсолютная вечная истина»<sup>1</sup>).

Довод противников изучения сознания и сознательного поведения заключается в ссылке на недопустимость какой-либо «активности» сознания; этот довод предполагает, что в головах этих людей под этой «активностью» часто разумеется представление крайнего идеалиста о примате сознания над материей, а не марксистское представление об определенной познавательной роли сознания, исследование которой и составляет задачу психологии. Обвинение посылается не по адресу. «Ум человеческий, — говорит Ленин, — открыл много диковинного в природе («активность» ума по взглядам марксизма — З. Ч.) и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была созданием нашего ума»<sup>2</sup>).

И с точки зрения материализма приходится подчеркивать, т.-е. изучать, особенности ощущения, а именно: их единство с материей, но вместе с тем не тождество с движением ее. «Наши ощущения отражают объективную реальность, т.-е. то, что существует независимо от человечества и от человеческих отношений»<sup>3</sup>).

Не выделять ощущения в особый разряд состояний материи и не изучать специфические особенности этих состояний — это значит не способствовать решению марксистской проблемы об отношении материи и сознания, о примате материи и производности сознания, о его роли в природе и пределах этой роли. Без науки именно о сознании, с точки зрения материалиста, нет критического знания.

Мы остановили свое внимание на возражениях уважаемого нами В. М. Боровского потому, что они, с одной стороны, являются типичными распространенными возражениями, мешающими построению принципов и системы марксистской психологии, а с другой стороны, принадлежат заметному у нас исследователю реактивных движений низших животных (беспозвоночных).

Отступление от точки зрения диалектического материализма невольно ведет подобных критиков к использованию идеалистических доводов агностицизма и тесно связанного с ним солипсизма. Например, т. Боровский разбирает случаи Hunter'a при измерении им порога тактильных ощущений. Экспериментально хорошо известно, что не всякое касание кожи *ощущается* испытуемым: так, например, касание с силой, скажем, 1, 2, 3 единиц не вызывает ощущения касания; и только когда сила надавливания при касании равна будет 4, 5 и больше единицам, испытуемый заявляет о появившемся у него ощущении касания. Так протекают всякие ощущения (в том числе и у крайних бихевиористов); из ощущений, имеющих так называемый низший предел (а есть и верхний «порог»), как уже засвидетельствовано впереди марксистскими авторитетами, складывается все наше знание; объективность такого знания достигается проверкой его выводов практикой. Но В. М. Боровский по поводу одного из «объективных» доказательств наличия ощущений, проводимых на сей раз бихевиористом Hunter'ом, возражает: если бы даже мы каким-нибудь путем могли последнее обстоятельство (пороги ощущения) установить с полной точностью, то это все же нам не принесло бы абсолютной пользы. *Это имеет значение исключительно для самого испытуемого с его личной точки зрения (элемент солипсизма — З. Ч.), на которую при всех усилиях (!?) ни*

<sup>1</sup>) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 190.

<sup>2</sup>) Ibid., стр. 286.

<sup>3</sup>) Ibid., стр. 308.



один (?!) посторонний наблюдатель стать не может<sup>1)</sup>. (агностицизм — З. Ч. В том же духе и дальше: «Все поведение животных мы должны пытаться понять, как процесс перцепторно-моторный (термин, противоречащий отрицанию роли сознания в поведении). Нигде мы не находим доказательств каких-то «высших» процессов (как бы их не называли у животных»<sup>2)</sup>. «Высшие» процессы, как уж было пояснено, у В. М. Боровского означают вообще «состояния сознания». Данная фраза есть повторение разобранного впереди агностического взгляда Уотсона. Эта агностическая формулировка близка к классической формулировке агностицизма и солипсизма у идеалиста Введенского; последнюю формулировку с той же целью, что и у В. М. Боровского, приводит В. П. Протопопов в своих лекциях студентам: «наш русский ученый психолог и философ А. П. Введенский, — пишет Протопопов<sup>3)</sup>, — установил даже специальный закон (?!) об отсутствии объективных признаков чужой одушевленности. Согласно этому закону, психическая жизнь протекает в другом человеке так, что доказать или отрицать ее по наружным признакам невозможно, а потому о ней можно лишь догадываться... Там, где существуют догадки, там точной науке нет места». Это положение агностика Введенского фигурирует у наших последователей Уотсона, как основное. Возвратимся к агностицизму и солипсизму Боровского. В своем заключении он утверждает: «для психологии поведения субъективная сторона реакций человека совершенно безразлична, так как она не имеет никакой биосоциальной ценности». (Сравни у В. И. Ленина: «господство над природой есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы»). «Если бы эта сторона отсутствовала, — продолжает Боровский, — то задачи психологии несколько бы не изменились. Это, конечно, не значит, что эта субъективная сторона непознаваема. Но это значит, что она познаваема только данным субъектом (?!)»<sup>4)</sup>. Какое же это «познание», доступное только одному человеку? Последняя фраза Боровского и есть перифраза солипсистского принципа А. П. Введенского; на него ссылался в свое время и Енчмен: «Чужая психика трансцендентна, т.-е. недоступна коллективному (объективному) опыту». Бухарин в «Енчмениаде», приведши это место, дальше его комментирует: «далее (у Енчмена) идет ссылка на авторитет буржуазно-идеалистического профессора Введенского. В этой цепи рассуждений, отнюдь не оригинальных и в основе списанных у Введенского, мы обнаруживаем прежде всего и раньше всего непоследовательность»<sup>5)</sup> и дальше Бухарин разбирает нелепости и противоречия солипсизма, формулировки которого часто встречаются в статье В. М. Боровского; приведем еще одну: «Если я что определяю, как субъективное (а речь идет о «субъективном», как о сознании), то я тем самым хочу сказать, что оно не объективно, т.-е. никак не проявляется во сне и недоступно никому, кроме самого субъекта»<sup>6)</sup>.

Приведенные цитаты говорят за то, что отступление от принципов диалектического материализма в отношении взглядов на сознание невольно ведет к агностицизму и солипсизму. В. М. Боровский спрашивает, что такое агностицизм, думая отвести его от себя ссылкой на роман «Восстание ангелов» Ан. Франса. Мы принуждены отвечать В. М. Боровскому местом

<sup>1)</sup> «Под знаменем марксизма», № 7 — 8, 1927, стр. 181.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 182.

<sup>3)</sup> Протопопов. «Введение в изучение рефлексологии», стр. 2.

<sup>4)</sup> Ibid., стр. 190.

<sup>5)</sup> Бухарин. «Атака», стр. 139.

<sup>6)</sup> Op. cit., стр. 190.



из Ленина, где он говорит, что между материалистами и идеалистами Энгельс ставит лиц, «отрицающих возможность познания мира или, по крайней мере, его *полного познания* (в том числе и состояний сознания, «субъективных» состояний — З. Ч.), называя их *агностиками*»<sup>1)</sup>. Характеристику с точки зрения диалектического материализма приведенных взглядов В. М. Боровского, В. П. Протопопова и др., повторявших часто буквально принципиальное положение неокантианца А. И. Введенского, можно видеть в следующих словах Ленина: «Энгельс прямо говорит про точку зрения *«неокантианского агностика»*, рассматривая неокантианство, как разновидность агностицизма»<sup>2)</sup> и указывая враждебность агностицизма материализму.

Выразительную характеристику с точки зрения диалектического материализма проповедываемых некоторыми и в наше время взглядов А. И. Введенского дал Н. Бухарин в «Енчменнаде».

В заключение нашего разбора возражений В. М. Боровского против возможности научного изучения состояния сознания у человека и близких к нему животных при наблюдении их поведения мы укажем третью особенность его критических приемов: неточное и путанное употребление терминов. Morgan, Thorndike, M. Dougall и другие ученые — бихевиористы, по Боровскому, «метафизики», «мистики» за то, что они, как это сказал о Моргане Ленин, ищут разрешения проблемы «возникновения» сознания. Если под метафизикой мы будем разумеать способ рассматривания всех явлений мира, не признающий ни причинной связи между всеми явлениями, ни развития последних, то метафизичны взгляды на поведение животных Декарта, отцов Сорбонны и В. М. Боровского с Уотсоном. О «мистике» мы уже не говорим. Как раз отрицание познавательной роли сознания, а следовательно, наших знаний о такой работе сознания, ведет к мистике. «Раз вы отрицаете реальность, данную нам в ощущении, — говорит В. П. Ленин, — вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма (веры, мистики — З. Ч.), ибо они скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно». Так же по меньшей мере спутано у В. М. Боровского понятие «субъективного» или, быть может, он стал жертвою двойного значения этого слова. Если под этим термином разумеать «выдуманное», «произвольное», «недоказательное», и т. п., то понятно, что наука избегает иметь дело с таким «субъективным». Но субъективное означает в философии, и у В. М. Боровского, «сознаваемое», принадлежащее человеческому сознанию, в этом смысле слово «субъективное» равно слову сознание. Конечно, В. М. Боровского интересует последнее значение, ибо первое значение слова «субъективный» не вызывает спора. Это о сознании говорится у него, что оно научно непознаваемо («познаваемость его только данным субъектом» науки, познания, не делает). О последнем понятии «субъективного» говорит В. М. Боровский: «Если я что-нибудь определяю, как субъективное, то я тем самым хочу сказать, что оно не объективно, т. е. никак не проявляется во вне и не доступно никому, кроме субъекта. Это есть определение понятия субъективного и субъекта».

«Субъективное» в смысле «ошибочное», конечно, особенно доступно окружающему, как резкое отклонение от некоторой нормы; речь у Боровского в главе «заключение» идет именно о «субъективном» — сознательном, как об основном содержании его статьи: о сознании, допускаемом для животных бихевиористами, с которыми он спорит, о невозможности познать «возникновение» сознания в животном мире, почему сознание у него и

<sup>1)</sup> Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 23.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 23.



берется в кавычки (см. предпоследний раздел), и обзывается «мистикой», «метафизикой», «вмешательством неба в земные дела» и т. п.

Подобные сомнения в ценности сознания, субъективного, были освещены с точки зрения диалектического материализма Лениным в его возражении Базарову. Последний спрашивал в свое время: «агностик спрашивает, откуда мы знаем, что наши субъективные чувства вместо ощущений доставляют нам правильное представление о вещах». И В. И. Ленин отвечал Базарову (а по-нашему, это есть ответ В. М. Боровскому): «Путаете, тов. Базаров. Энгельс не говорит сам и не приписывает даже своему врагу, агностик, такой бессмыслицы, как «субъективные чувства». Пных чувств, как человеческих, т.-е. субъективных, — ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего, — не бывает»<sup>1</sup>). И все наше знание субъективно. «Вопрос не в том, субъективно ли знание: это разумеется само собою, — говорит Плеханов: — вопрос в том, может ли знание (субъективное — З. Ч.) быть истинным». И на этот вопрос, как известно, Плеханов отвечает положительно, опираясь на понятие практики. Объективное знание — это все знания субъекта, проверенные практикой. Вопрос отношения субъективного и объективного знания сводится к проблеме критерия, на основании которого мы определяем, когда психические переживания человека при познании мира дают верное и точное отображение реальных вещей, существующих независимо от человека и его сознания. Этот критерий мы находим в практике (второй тезис Маркса к «Фейербаху»). Получение при этом общезначимых, годных для практики людей познавательных результатов происходит на основании того, что субъективные переживания причиняются «объективным» миром. Бытие определяет мышление, а мышление при вышеуказанном критерии знания способно познавать бытие. То противопоставление сознания, субъективного, объективному, какое делает Боровский, есть невнимание к элементарным сведениям в философии марксизма (о пределах возможного с гносеологической точки зрения относительного противопоставления материи и сознания — впереди говорилось).

Противоречие внутреннего построения статьи В. М. Боровского сказалось и в прибавлении к заключению примечания: «субъективная сторона, конечно, так же реальна, как и объективная. Не реальна только субъективная сторона, как процесс, не имеющий объективной стороны — таких процессов не существует». Это, действительно, поправка, но поправка всей написанной статьи<sup>2</sup>). Ведь Морган, Торндайк, Неркс, Келер, Дауголл, против которых борется В. М. Боровский, и стремились найти объективную сторону сознания. Если субъективная сторона реальна, как и объективная, значит, она научно познаваемая (и не только одним субъектом, как говорится в содержании статьи); не реальна только субъективная сторона, как процесс, не имеющий объективной стороны (да таких процессов и не существует), а следовательно, возникновение сознания в животном мире можно научно изучать на основании его объективных проявлений, и это будет не мистика, метафизика и т. п., а наука. Такую работу делал Л. Морган, о котором в этом смысле писал В. И. Ленин; за Морганом в основном шли дальше Thorndike, Неркс, Dougall, Hunter и др., работы которых В. М. Боровский рассматривает под опорочивающим названием «Метафизика в сравнительной психологии».

Конечно, в экспериментах названных ученых возможны ошибки, как и во всякой работе, но В. М. Боровский рассматривает их прежде всего

<sup>1</sup>) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 107.

<sup>2</sup>) Вероятно, она продиктована редакцией. Конечно, это только наше предположение.



не с экспериментальной точки зрения, а с точки зрения борьбы против постановки этими учеными самого вопроса о возникновении в животном мире сознания (мистика, метафизика, «высшие», небесные силы, вмешивающиеся в наши земные дела, и т. п.) и о выражении сознания у животного через внешние формы поведения. Мы допускаем ошибки и у одобренного В. И. Лениным Ллойда Моргана в его основной научной тенденции и у других бихевиористов в отношении диалектического материализма. Но что опыт курицы, первый раз клюющей несъедобного для нее червяка, может обладать хотя бы элементарным сознанием — это у Л. Моргана есть результат экспериментальных данных и их истолкования, как то же мы имеем в отношении других животных у Thorndike, Неркса, В. Келера, Hunter'a, М. Dougall'a и др.; это попытка науки решить тот вопрос, который ей ставил Ленин; такая работа не есть «мистика» и т. п. Борьба против такой постановки вопроса в науке — это бороться против почти всей бихевиористической науки (а перечислены «столпы» ее) и одновременно против ее стремлений разрешить задачу о «возникновении» в животном мире сознания, — задачу, решение которой так необходимо диалектическому материализму.

С чем действительно надо бы бороться здесь материалисту — так это, напр., против признания независимости сознания от материи, возможного параллелизма, агностицизма и т. п. влияний идеалистических мировоззрений на ученых-биологов Запада и Америки. Но такой работы В. М. Боровский почти не ведет в своей статье; наоборот, он подкапывается под ценные для диалектика-материалиста стороны в работе научного бихевиоризма. Есть, правда, у Боровского упоминания о патёре Васмане, двусмысленный намек на какого-то русского современного ученого, «ратующего за изгнание бесов» из психологии, а с другой стороны, сохраняющего в своем изложении понятия, ничем не отличающиеся от «духа». Если этот «дух» есть «субъективная» сторона, не являющаяся функцией организованности тела, то такого ученого надо без двусмысленных намеков назвать, но такого психолога-марксиста нет, ибо его изболел бы первый школьник из старшей группы семилетки. Противоречия такого «ученого-марксиста» сами бьют в глаза. Если же этот ученый признает сознание, как функцию высокоорганизованной материи (следовательно, субъективная сторона для него имеет объективную сторону), то у такого ученого агностику, антидиалектику и метафизику можно поучиться.

Борьбе против возможных, действительно, идеалистических уклонов в работе бихевиористов В. М. Боровский почти не посвящает внимания, кроме следующих двух строчек: Л. Морган (в работе 1896 года, вероятно, известной Ленину — З. Ч.) говорит о сознании, которое «находится в известном смысле вне того», чем оно управляет (в кавычках слова Моргана). Эта мысль заслуживала своего углубленного критического освещения со стороны материалиста с указанных нами выше точек зрения, ибо возможно идеалистическое истолкование ее. В приведенном же виде эта фраза Моргана без ее критического исследования мало отличается от следующей формулировки бесспорного материалиста Дицгена: «Мы, новейшие материалисты, утверждаем, что функция (сознание) является на столько же самостоятельной и на столько же несамостоятельной вещью, как и осязаемая мозговая масса и как всякий другой материальный предмет»<sup>1)</sup>. Здесь сознание Дицгеном названо «самостоятельной вещью» в известном смысле, согласном с материалистическими воззрениями самого Дицгена. Л. Морган, один из немногих

<sup>1)</sup> Дицген. «Философия социал-демократии», стр. 205.



ученых, которого В. И. Ленин поставил рядом с Э. Геккелем и Дидро за тенденции в его работах, совпадающие с задачами диалектического материализма, заслуживал внимания современного критика на более глубокий разбор «известного смысла» взглядов такого ученого. Но В. М. Боровский не делает этого в своей работе потому, что он считал основной своей задачей борьбу вообще против проблемы возникновения сознания в животном мире и против возможности научного решения этой проблемы, так необходимого диалектическому материализму, что и подчеркивал В. И. Ленин. Вполне понятно, что точка зрения последователя американского механиста Уотсона, должна в своем развитии прийти в противоречие со взглядами диалектического материализма.

Основные особенности защитников и укрепителей точки зрения Уотсона у нас в Союзе, как видно из разобранных суждений его последователей, следующий:

1. Антидиалектический, а следовательно, действительно метафизический взгляд на состояние сознания и его возникновение на определенной ступени развития животного мира: утверждение «мы не находим у животных даже элементов тех состояний, которые у человека называются сознанием». Это — метафизическая (в современном научном смысле этого слова) точка зрения Декарта и отцов Сорбонны. В. И. Ленин в качестве типичной идеалистической точки зрения на сознание человека приводит следующее утверждение идеалистов: «Человеческий разум по существу отличен от разума высших животных и от инстинкта низших животных»<sup>1)</sup>.

2. Отступление от точки зрения диалектического материализма невольно ведет подобных критиков к использованию идеалистических доводов агностицизма и тесно связанного с ним солипсизма; некоторые (В. И. Протопопов, Э. Енчмен) используют в последних целях подлинные цитаты из А. И. Введенского, другие формулируют свои доводы в выражениях, близких ко взглядам этого философа; при этом, подобными «критиками» наивно предполагается отсутствие противоречий между проводимыми взглядами неокантианца А. И. Введенского и принципами диалектического материализма (см. «Психологию перед судом возрождающегося позитивизма» Э. Енчмена, «Введение в рефлексологию» и литографир. «Лекции студентам-медикам по психиатрии» проф. В. И. Протопопова с положительными ссылками на Введенского).

3. Неправильная основная точка зрения приводит подобных критиков к употреблению неточной и путанной терминологии, бесполезно отклоняющей вопрос от научного его решения: проблему возникновения сознания, решение которой так необходимо диалектическому материализму, эти «критики называют «метафизикой», «мистикой», «вмешательством неба в земные дела», а ощущения, способные, по словам Ленина, приводить при определенных условиях к истине, обзывают «субъективными» в смысле «недоказательными», «необозначимыми», «произвольными» и тому подобн.; в свою очередь при анализе термина «объективное знание» замалчивать то, что формулировал, например, Г. В. Плеханов: «вопрос не в том, субъективно ли (психично ли — З. Ч.) знание: это разумеется само собою», и такое знание при определенных условиях может приводить к истине. Мы не перечисляем, конечно, всех подобных, приведенным неточных и путанных терминов, как мы опускаем и рассмотрение демагогического использования некоторыми этих терминов;

<sup>1)</sup> Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 359. Данная формулировка приведена Лениным из «Чудес жизни» Геккеля, где последний противопоставляет монистическую и дуалистическую теории познания.



Перейдем к рассмотрению основных положений научного бихевиоризма и взглядам одного из его основателей, Л. Моргана. Морган известен рядом специальных исследований (исследование поведения цыплят и уток—1893 г., исследование гидроидов и др.). Свои обобщения о поведении животных и о возникновении сознания в животном мире он обобщил в работе «Навык и инстинкт» (1896 г.). Эти обобщения Моргана делали его книгу интересной не только для узкого круга специалистов биологов, но и для социологов и психологов. Быть может, последними качествами эта работа обязана тому, что она была переведена и на русский язык в 1899 году под названием «Привычка и инстинкт». Вероятно, с содержанием последней книги, быть может, в подлиннике, был знаком и В. И. Ленин, одобрявший основную тенденцию трудов Л. Моргана (из этой же книги извлекал материал обвинения В. М. Боровский). Морган в этой книге прибегает к вышеописанному примеру Дидро - Ленина о яйце, возникновении из него цыпленка и о возможных признаках хотя бы элементов сознания у растущего цыпленка. Морган, как чистый биолог, избегает, по его словам, философских вопросов: но всякий крупный ученый не может в своей методологии и в своих обобщениях не затрагивать философских вопросов, и мы встречаем и у Моргана: «Нельзя серьезно утверждать, что снесенное яйцо обладает сознанием. Нам пришлось бы решить, — говорит Морган, — возникает ли сознание исключительно из материальных и физических условий внутри цыпленка, или не сообщается ли сознание каким-нибудь способом извне, или же не образуется ли сознание из чего-нибудь связанного с вещественным яйцом и что, первоначально не представляя собою сознания, все-таки развивается в сознание. Здесь мы не будем решать этих проблем. Третья альтернатива, — говорит Морган, — кажется мне более вероятной и придает вопросу более практическую форму»<sup>1)</sup>.

Может быть, Л. Морган предпочитает третью формулировку потому, что она наименее ясная, а потому позволяет ученому, уклоняющемуся от прямого решения смело поставленного им вопроса, спрятать в ней определенный свой ответ, резко расходящийся с господствующей идеологией его класса. Эта идеология подсказывала второе решение — чисто спиритуалистическое, но его решительно отводит Морган, и этим до некоторой степени разъясняется приведенная впереди фраза «о сознании, которое находится в известном смысле вне того, чем оно управляет»; к этой фразе неприменимо спиритуалистическое толкование, как это видно из отрицания Морганом второго решения проблемы отношения сознания и материи. Первая формулировка наиболее определенно утверждает материализм, впрочем, эту формулировку можно трактовать и в смысле механистического материализма, ибо в ней подчеркивается единство материи и сознания, но не оговорено отрицание тождества их. Третье решение проблемы, принимаемое Л. Морганом, имеет некоторые черты разрешения проблемы диалектическим материализмом (только черты!): сознание возникает из некоторых элементов вещества яйца, которые первоначально не представляют собой сознания, сомнения при этом вызывают слова «образуется сознание из чего-нибудь связанного с вещественным яйцом». Что это, панпсихизм? Но тогда какой смысл слов «сознание образуется из того, что не было до тех пор сознанием» и отрицания Л. Морганом сознания у неорганической материи, инфузорий, гидроидов?

Мы не отрицаем некоторой неясности, с точки зрения современного состояния философии диалектического материализма, в формулировках

<sup>1)</sup> Л. Морган, «Привычка и инстинкт», 1899, стр. 115.



отношения материи и сознания западным биологом конца XIX века, но мы подчеркиваем наличие материалистических тенденций в его воззрениях, резко разошедшихся с господствовавшим идеалистическим (спиритуалистическим) взглядом на отношение сознания и материи, и приближавшихся к воззрениям материализма настолько, что В. И. Ленин поставил Л. Моргана рядом с Э. Геккелем и Дидро.

«Под «действительным» или «настоящим» сознанием понимаю такое, — говорит Морган, — которое дает животному возможность управлять своими действиями, пользуясь предыдущим опытом»<sup>1)</sup>.

Морган подчеркивает «действительное», «настоящее» сознание, как экспериментальный факт, как «ощущение в ясно выраженной форме», в отличие от гипотетических допущений панпсихистами сознания в неорганической материи, а рядом ученых — у инфузорий и гидроидов, что сам Морган отрицал.

«Мы имеем основание предполагать, — говорит Морган, — что «действительное» сознание сопровождает функции высших мозговых центров. Автоматический акт есть действие, совершаемое без непосредственного и заметного вмешательства тех органических процессов коркового слоя мозга или иных, которые сопровождают сознанием». Допустить здесь параллелизм у Л. Моргана, высасывая его из слова «сопровождает», или допустить, что Л. Морган смотрит на сознание, как на функцию мозговой коры, возникшую в результате более высокого развития материи, — на эти вопросы получить точный ответ не так легко вследствие все той же упомянутой неточности в философских формулировка хебиолога, но если вспомнить, что, по Моргану, «настоящее» сознание возникает только у высокоразвитых организмов (не у инфузорий и гидр), то возникает основание скорее в пользу материалистического толкования разбираемых слов Моргана.

Будем уяснить вопрос по совокупности отдельных важных для нас утверждений Л. Моргана, особенно по вопросу о возникновении сознания. «Следует различать, — говорит Морган, — две стадии органического развития: во-первых, ту, в которой сознание или отсутствует, или бездействует; во-вторых, ту, в которой сознание является действующим фактором»<sup>2)</sup>. Опять требуется уточнение в отношении выражения «сознание является действующим фактором». Роль сознания, судя по приведенным выражениям Маркса, Ленина, Плеханова, вполне определенная и большая в жизни людей; такой ли смысл вкладывал Морган в разбираемую фразу? «По всей вероятности, — говорит Морган, — во всем растительном царстве эволюция находится в органической стадии. Низшие животные относятся к этой же категории. Но кто может с уверенностью сказать, что в животном царстве должна быть проведена пограничная линия между теми животными, у которых сознание бездействует, и теми, у которых оно действует? Прежде всего необходимо найти какой-нибудь критерий для определения, в каких случаях сознание является бездейственным, а в каких деятельным. Таким критерием служит способность к выбору»<sup>3)</sup>.

Здесь Л. Морган признает возникновение «настоящего», позитивно данного, а не допущенного гипотетически (панпсихистами и некоторыми близкими к ним биологами) сознания, лишь у высокоорганизованных животных, а не у низших, а тем более у неорганической материи. До определенной, высокоорганизованной, ступени развития мира животных существует материя, по Моргану, без обнаруживаемого экспериментальной наукой

<sup>1)</sup> Л. Морган. «Привычка и инстинкт», 1899, стр. 115.

<sup>2)</sup> Ibid., стр. 237.

<sup>3)</sup> Ibid., стр. 238.



сознания. Такая позиция, несмотря на неясность и путанность отдельных фраз (например, бездеятельное и деятельное сознание), целиком близка воззрению диалектического материализма. Морган борется против допущения сознания у низших животных, которое допускал, например, Бине на основании такого критерия: «неизменное реагированием одним способом на один стимул и другим способом на другой стимул»; при этом критерии можно признать наличие сознания уже у инфузорий. По поводу описания Бине поведения простейших животных, как сознательного, Морган говорит: «То же самое можно наблюдать на чувствительной стороне фотографической пластинки». Он решительно возражает Романеску, допускающему выбор у морского анемона. «Чувствительная пластинка опять-таки делает то же самое. Среди наиболее крупных волн эфира, порождающих красный цвет, и еще более крупных тепловых волн, падающих на поверхность пластинки, она остается нечувствительной; но она реагирует на сравнительно слабый стимул, представляемый небольшим лучом более мелких эфирных вибраций, называемых фиолетовым цветом»<sup>1</sup>). — говорит Морган о выборе Романеса.

Остроумные экспериментальные исследования Морганом гидроидов, путем перерезывания тела, последних пополам и потом складывания разных по величине половин тела, приведены с теоретическим освещением результатов, недопускающим у гидроидов каких-либо элементов сознания вопреки мнениям других исследователей. Определенно о наличии сознания в поведении животных Морган говорит начиная с птиц. Крупное раннее исследование и посвящено исследованию поведения птиц, а «Навык и инстинкт» изобилует примерами из жизни птиц и особенно цыплят.

Итак, у Л. Моргана встречаются неточности при формулировках положений, подлежащих ведению философии диалектического материализма, но основная установка в его научной работе близка ко взглядам диалектического материализма на отношение материи и сознания. Этим может быть объяснено внимание В. И. Ленина к научным взглядам Л. Моргана, относящимся к первому периоду его научной деятельности — в XIX веке<sup>2</sup>).

Как же описывает Морган признаки наличия состояний сознания у птиц? Присмотримся к описанию Морганом поведения цыплят: «Сначала цыплята совершенно безразлично клюют *все*, имеющее известные размеры: зерна, камешки, хлебные крошки, сложенные в кучу обломки восковых спичек, коринки, кусочки бумаги, пуговицы, бисер, кончики и пепел папирос, свои собственные пальцы и пальцы своих товарищей, белых червей, обрывки ниток, пятна на полу, глаза соседей — словом, все маленькое, что можно и чего нельзя взять, клюется и, если возможно, схва-

<sup>1</sup>) Морган. «Привычка и инстинкт», стр. 239.

<sup>2</sup>) Во всех наших выводах имеются в виду те сочинения и взгляды Моргана, которые он имел до издания своей книги «Привычка и инстинкт» включительно. Ленин, судя по характеру его ссылок на Л. Моргана, имел в виду этот период деятельности Моргана (конец XIX века). Боровский черпает материал обвинения из «Привычки и инстинкта». В этот период Морган делит органическую жизнь на две стадии: во-первых, ту, в которой сознание или отсутствует, или бездействует, во-вторых, ту, в которой сознание является действующим фактором. Несмотря на присущую Моргану этого периода неясность в формулировках, все же для него «бездействие» сознания синонимично его отсутствию; экспериментатор-биолог позитивными методами не находил сознания в начальной стадии развития органического мира. Но дальше — в XX веке — Морган меньше следовал за позитивными выводами своих экспериментов, чем за определенной философской установкой, против подчинения которой он в своем первом периоде, как эмпирик, предупреждал биологов. В своей статье «Influence and Reference. A Biological Approach to Philosophical Problems» — в журнале «The Monist», 1926, № 4 — он определенно заявляет себя сторонником спиннозизма в идеалистическом истолковании, т. е. сторонником психофизического параллелизма. Таковым он не был в XIX веке, работы этого периода и использовались Лениным, Боровским и нами при вышеприведенном разборе.



тывается. Повидимому, не существует унаследованного различения питательных и непитательных предметов, а также вкусных и невкусных. Это уже дело индивидуального опыта. Впрочем, скоро они выучиваются различать годное для употребления в пищу от нейтрального и быстро ассоциируют внешний вид со вкусом. Один цыпленок водяной курочки двух дней от роду научился клевать кусочки яичного желтка, отличая их от кусочков белка».

«Я вырезал маленькие кусочки из апельсиновой корки, приблизительно такой же величины, как кусочки желтка, и скоро цыпленок схватил один кусочек корки, но тотчас же бросил, покачав головою. Взяв другой кусочек, он подержал его немножко в клюве, но затем выпустил и почесал основание своего клюва. Этого было достаточно; кусочки корки перестали соблазнять его. Тогда противные для него кусочки были удалены и на место их положены были кусочки яичного желтка, но эти кусочки остались нетронутыми, так как, вероятно, принимались за кусочки апельсиновой корки. Спустя некоторое время цыпленок стал поглядывать нерешительно на желток, но сначала клонул с сомнением, не хватая, а только касаясь желтка. Затем он опять клонул, схватил кусочек и проглотил. Нескольким другим цыплятам я бросил личинок *Euschelia jacobiae*, невкусных гусениц, покрытых чередующимися черными и золотисто-желтыми кольцами. Они *тотчас же были схвачены, но затем брошены совершенно целыми*; цыплята потеряли себе клювы — признак того, что пища им не по вкусу, и редко брали гусениц вторично. Тогда эти гусеницы были удалены, но были опять брошены цыплятам под вечер. Некоторые цыплята один раз попробовали их, но скоро оставили. На другой день цыплятам были предложены личинки бурых жуков (*Luperus*) и зеленые гусеницы капустницы. Цыплята приблизились к ним с некоторым подозрением, но вдруг один цыпленок убежал с личинкой, а за ним последовали другие, из которых один украл и съел личинку. В несколько минут все гусеницы были уничтожены. Спустя некоторое время, но в тот же день цыплята получили еще известное количество этих съедобных гусениц, которых уничтожали без всяких колебаний, а затем цыплятам бросили несколько личинок *Euschelia jacobiae*. Один цыпленок побежал, но остановился и, не тронув гусеницы, почесал себе клюв: повидимому, вид противной на вкус желтой с черным гусеницы вызвал, по ассоциации, воспоминание о ее вкусе. Другой цыпленок схватил было гусеницу, но тотчас же выплюнул. Третий подошел к ползущей личинке, зашипел, словно чуя опасность, и убежал. Тогда я снова бросил цыплятам съедобных гусениц, которых птицы уничтожали без колебаний. Таким образом цыплята научились различать по виду вкусных и невкусных гусениц. Точно так же молодые водяные курочки быстро распознавали съедобных жучков от невкусных жуков. Но подобное различение не унаследовано, а приобретается опытом»<sup>1)</sup>. «Когда цыпленок, отведавший невкусную личинку, перестает ее трогать, то мы можем быть уверены, что он действительно совершает в данном случае выбор. *Неизменная реакция при сходных условиях, как мы видели у спор в присутствии яблочной кислоты, не может служить доказательством выбора; но изменение или видоизменение реакции под влиянием индивидуального опыта дает нам искомый критерий*».

Мы видим, с какой тщательностью описывает Морган каждую форму поведения птиц. У нас бы, пожалуй, вместо подобного описания особенностей поведения птиц ограничились бы формулой, ставшей сакральной: «условные рефлексы». Если этими словами желают сказать, что цыплята

<sup>1)</sup> Морган. «Привычка и инстинкт», стр. 37 — 39.



в описанном поведении пользовались физиологическими механизмами своего тела, то против такого утверждения никто никогда не спорил, в том числе и идеалисты физиологии, каковых в Европе большинство.

Если же под термином «условные рефлексы» разумеать прижизненный опыт вообще, то объективное отношение к вещам и понятиям требует отличать «сознательный прижизненный опыт» от «автоматического опыта», т. е. от малосознаваемых или почти бессознательных, механизированных *привычек*. Эти последние привычки (в отличие от так называемых умственных привычек) у человека, да и у многих «высших» животных, получаются путем «выщелачивания» состояний сознания. Следовательно, условием выработки таких привычек является предшествующее им психофизиологическое состояние. Различать эти две формы прижизненного опыта важно как для практической жизни, так и для таких наук, как социология и биология, что можно было видеть впереди из многочисленных цитат социологов (Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и др.) и биологов (Сеченова, Северцева, Вагнера и др.). В результате недавно происходившего в среде марксистов спора механистов и диалектиков Л. И. Аксельрод (Ортодокс), достаточно внимательно прислушивавшаяся ко взглядам механистов, еще раз констатировала: «величайшим заблуждением и пагубнейшим упрощением великой проблемы познания является отождествление всего сложного содержания мышления с его элементарными формами проявления. И это сказано не только о «скопище электронов», но и о слюнной реакции! Представим себе, что я в качестве исследователя наблюдаю деятельность нервных центров человека как раз в то мгновение, когда он испытывает известное впечатление. И что же? При этом идеальном для познания условии, я бы все же узнала лишь *движение*, причиняющее ощущение моего ближнего, но не получила бы ни малейшего представления о внутреннем состоянии, т. е. о переживании, другими словами, таковое оставалось бы для меня покрытым густым непроницаемым туманом»<sup>1)</sup>. Следовательно, науке о поведении человека и животных надлежит различать такие состояния и проявления их организма, которые продуцируют сознание, т. е. психофизиологические состояния, от таких, где это продуцирование не имеется налицо, т. е. от чисто физиологических. В первом случае человек включает при помощи сознания в качестве *мотивов* своего поведения социальную директиву в форме того или иного переживаемого им правила своего поведения (взгляды, убеждения, мировоззрение); за этой директивой стоит представление, а иногда предвидение, субъекта об огромном по величине и качеству раздражителе — нашем социальном бытии. Во втором случае субъект подчиняется относительно незначительному по величине и качеству наличествующему раздражителю, непосредственно, — без сознания — вызывающему поведение субъекта; пример такого поведения: выделение слюны у голодного при рассмотрении им витрины гастрономического магазина. Для науки чрезвычайно важно видеть особенности указанных здесь двух форм поведения человека и животных: психофизиологической и физиологической. Почему — психофизиологической? Потому, что материалистическая наука о сознательном поведении и его малосознаваемых или бессознательных рудиментах возможна в форме психофизиологии, где мы изучаем, когда, при каких условиях физиологические механизмы продуцируют состояния сознания. «Наше сознание и мышление являются продуктом (Erzeugniss) вещественного, телесного органа мозга» (Энгельс<sup>2)</sup>).

<sup>1)</sup> «Красная Новь», 1927, март, стр. 180.

<sup>2)</sup> Энгельс. «Людвиг Фейербах». Немецк. изд., стр. 18.



Мы лично, перенесши на человека методику слюнных рефлексов, как наиболее типичную и совершенную из условно-рефлекторных методик (см. дальше главу «Условные рефлексы») должны были направить свое внимание на объективные признаки — латентную, уклонения, форму движения, психогальванометрический феномен и т. п., которые отличают изучаемые этой методикой физиологические формы поведения от часто встречающихся в работе с этой методикой психофизиологических форм поведения (см. дальше об этом). Иначе эту весьма ценную методику, созданную П. П. Павловым, мы подвергаем риску, о котором говорит Л. П. Аксельрод: «величайшим и пагубнейшим упрощением великой проблемы познания является отождествление всего сложного содержания мышления со... слюнной реакцией».

Н. П. Бухарин предупреждал: не трудно, конечно изобрести целый каталог названий: «рефлекс цели», «рефлекс бога», «рефлекс права» «рефлекс...» и проч. На все найдется свой рефлекс. Беда только в том, что ничего, кроме игры в бирюльки, здесь мы не получим» («Енчиениада», сбор. «Атака», стр. 153). Воспитание условного рефлекса, как это мы видим в методике Павлова при выработке условного рефлекса (привычки) у более высокого, чем птицы, животного — собаки, требует повторения опытов не менее нескольких десятков раз; только в результате относительно долгого повторения условного раздражителя образуется привычка. Между тем о случаях вышеописанных и подобных Морган пишет: «Одного единственного опыта часто бывает достаточно для установления ассоциации»<sup>1</sup>). «Когда мы говорим, — объясняет Морган особенности поведения цыплят, — что образ действия видоизменяется помощью опыта, то под этим мы разумеем, что сознание, напр., вчерашнего случая помогает избегать подобных обстоятельств сегодня. Если то, что случилось вчера, было бессознательным, то оно не могло бы подействовать на сегодняшнее поведение. Если, значит, цыпленок в первый раз клюет бессознательно, то это первое клевание совершенно вне опыта цыпленка и потому не может доставить данных для последующего руководства и контроля. Точно так же второе, третье и дальнейшие клевания, поскольку они автоматичны и бессознательны, не обогащают опыта. Но наблюдение показывает, что действия, входящие в состав клевания, не только совершенствуются, но играют известную роль в активной жизни молодой птицы — роль, которая не может быть названа бессознательной»<sup>2</sup>). «Первоначальная автоматическая реакция вызывает сознание (путем посылки нервного тока из рефлекторной дуги в кору по побочным путям), дающее возможность цыпленку управлять своими действиями и контролировать их»<sup>3</sup>). «Роль смысленности (у животных) состоит не в том, чтобы создать новую деятельность, приспособленную к тому, что мы, наблюдатели, назовем целью, а в том, чтобы из числа сравнительно неопределенных действий выбрать то, которое оказывается наиболее подходящим и верным»<sup>4</sup>).

Как видно, Л. Морган признак сознания видел в тех формах поведения, где на сцену выступал индивидуальный, прижизненный опыт животных; в отличие от автоматических привычек (условных рефлексов) такой опыт относительно скоро (почти внезапно) видоизменял поведение птиц, затем такой опыт стойко хранился и быстро вновь применялся при соответствующих условиях. Как видно, такой опыт имеет отличительные

<sup>1</sup>) Морган, «Привычка и инстинкт», стр. 138.

<sup>2</sup>) Ibid., стр. 119.

<sup>3</sup>) Ibid., стр. 120.

<sup>4</sup>) Ibid., стр. 146.



черты от примеров того «опыта», которыми Ms. Washburn пыталась высмеять изложенные взгляды Моргана: изменение стали в работе, наигрывание скрипки, рост мускулов кузнеца, о которых говорит Ms. Washburn<sup>1)</sup>, не имеет вышеуказанных черт опыта Моргана, здесь нет, конечно, немедленного изменения поведения под влиянием опыта. Большого внимания заслуживает разграничение понятия сознательного опыта Моргана от понятия условного рефлекса, мы на этом остановимся.

Из экспериментальной обстановки творца методики условных рефлексов академика П. П. Павлова мы можем видеть точные признаки понятия условного рефлекса; это новое понятие можно вполне заменить понятием «навыка», «привычки». Для установления условного рефлекса непременно требуются даже у более высоко, чем цыпленок, стоящей собаки повторения условного кормового раздражителя не меньше нескольких десятков раз при условии голодания собаки; такого повторения в приводимом примере Л. Моргана не отмечается; это выбор после одного раза, когда организм избегает того, что он нашел неприятным, и ищет то, что для него полезно и что в подавляющем большинстве сопровождается чувством удовольствия. Это управление собою рождается из жизненной практики животного и ведет к повышению его благополучия. Чтобы сразу, без повторений избежать ядовитого корма, надлежит обладать повышенным напряжением защитных функций, своеобразным новым типом поведения, отличным не только от прирожденных родовых привычек (безусловных рефлексов), но от прижизненно выработавшихся привычек чрез частое и долгое повторение ситуации (условных рефлексов). Да и сами условные рефлексы в начальной стадии их выработки обуславливаются *установкой* психической природы, когда животное реагирует на одни раздражения и не реагирует на другие раздражения (часто желательные для экспериментатора, см. жалобы Павлова на «роковую реакцию установки» «20-летний опыт», 1 изд., стр. 81). Установка («внимание») всегда определяется более или менее сильным эмоциональным состоянием — психическим состоянием; господство сильного эмоционального тона делает прочной установку на явление, вызвавшее эмоцию; установка, напр., собаки вызывается голодом; этим эмоциональным состоянием определяется ее дальнейшее поведение; в случае подачи звонка после общего насыщения или даже после очередного кормления, условная реакция отсутствует (наблюдения Крестовникова). *Условный рефлекс, как он обычно вырабатывается у собаки, определяется ее эмоциональными состояниями (голода), являющимися, конечно, психическими состояниями, этими же состояниями определяется напряжение установки (внимания) и ее колебания в продолжение опытов.*

Что опыты с условными рефлексами могут протекать без обращения со стороны экспериментатора к сознанию испытуемых — это не говорит за отсутствие при этих опытах состояний сознания у испытуемых. При наличии достаточно сильного раздражителя, например, кнута, револьвера и т. п. у «экспериментатора» и при наличии достаточно сильного эмоционального состояния, напр., голода, страха и т. п. у «испытуемых», можно, конечно, выдрессировать, пожалуй, любого человека производить желательные для экспериментатора действия по условному сигналу. О таких опытах тоже условно можно сказать, что экспериментальный эффект достигнут здесь «без обращения к сознанию испытуемых»; в далекой прошлой истории людей такие эксперименты производились, кажется, часто. Но при таких «экспериментах без обращения к сознанию» бесспорным является и то,

<sup>1)</sup> Ms. Washburn. «The animal mind», Ny, 1911.



что они протекали с острыми психическими переживаниями для испытуемых, и что при помощи этих переживаний экспериментируемые люди, или, вернее, эксплуатируемые, приходили к опрокидыванию «рефлексологической» системы управления ими.

Присмотримся ближе к обусловливанию элементов сознания у цыпленка его нервными процессами, пользуясь общим принципом «перехода количества в качество». Цыпленок, как то описывает Л. Морган, в момент рождения имеет нервную систему с готовыми рефлекторными путями для автоматического акта клевания, эти пути могут идти в мозг, не затрагивая пока коры мозга и центра эмоций (клюет все — и себя). Но исключительно сильное раздражение, — например, ядовитая личинка — не только вызывает движение по рефлекторному пути, но вызывает диффузию, иррадиирование возбуждения и на близлежащие центры эмоций (центры эмоций лежат в основной массе под корой, где преимущественно проходят чисто рефлекторные пути, (по Бехтереву, большую роль в эмоциях человека играет подкорковый *thalamus opticus*). «Обратным ударом», как говорит Морган, от совершившегося рефлекторного движения, в случае его особой силы, получает оптимальное возбуждение и кора мозга, функцией такого ее возбуждения и является состояние сознания. Так, количественный момент в отношениях цыпленка к среде рождает качественно новые элементы его целостной реакции на среду.

*Сильно действующий на вкус цыпленка ядовитый червяк (бытие) определяет пропорциональную эмоциональную реакцию (неудовольствие, психическое состояние); сильная эмоция повышает установку (внимание) на признаки ядовитого червяка; восприятие внешнего вида последнего и связь этого восприятия с неудовольствием при этом настолько сильны, что реакция на второго подобного червяка, не имея проторенных повторениями следов, что дало бы типичный условный рефлекс, а располагая исключительно сильным возбуждением некоторых специфических центров коры и подкоры, дает новое качество поведения — его осознание; такая форма поведения и есть видоизменение реакции под влиянием раз случившегося, но стереотипно не повторявшегося жизненного опыта животного. Повторение, дающее навык, здесь заменено единовременным повышением количества энергии достаточно высокоорганизованной нервной системы, функцией такого возбуждения данной нервной системы и является элементарное сознание.*

L. Morgan и Thorndike в своих других опытах (у Thorndike'a — кошки) склонны отрицать у животных специфическое суждение и обдумывание при решении приспособительной задачи. Но выбор той или иной приспособительной реакции животным определяется и по теории Моргана и Торндайка психическим состоянием удовольствия и неудовольствия, выражающими для их носителя его субъективную реакцию на объективные впечатления, или проще — реакцию, сигнализирующую пользу или вред данного раздражения для организма.

Интенсивность эмоции ведет к той или иной форме поведения; последнее может привести животное или к бегству или к нападению; тип реакции определяется родовым и индивидуальным опытом. В обоих случаях повышенная установка воспринимающего аппарата и память, как хранение опыта (повторение приблизительно прежнего нервного состояния), могут привести к выбору без навыка, обусловленному не столько за счет экстенсивности процесса, что даст условный рефлекс, сколько за счет интенсивности возбуждения, когда количество возбужденной нервной энергии дает новое качество поведения — сознание. Интенсивность раздражителей



в результате долгого опыта вырабатывает у данного вида животных определенные пороги восприятия; раздражения ниже такого порога не дают состояний сознания, только определенная высота раздражений дает эти состояния. Минимальную высоту раздражения, дающую состояния сознания, мы хорошо знаем из разработанного учения психофизики о нижних абсолютных порогах различных ощущений. Это учение есть вывод из экспериментальных фактов, поддающихся строгому измерению и имеющих большое применение в психотехнике и педагогике для характеристики особенностей восприятия, а следовательно, и особенностей поведения животных и людей.

Возвращаясь ко взглядам Моргана, надлежит заметить, что трудно у типичного западного ученого конца XIX века встретить четкую и ясную формулировку взглядов диалектического материализма на особо трудный вопрос об отношении материи и сознания, но достаточно того, что этот ученый в своей среде, враждебной материализму, формулировал многие положения относительно близко ко взглядам диалектического материализма, а главное — что он своими специальными трудами решал труднейшую для науки проблему возникновения сознания в животном мире, проблему, решение которой утверждает примат материи и возникновение сознания только на относительно высокой ступени развития материи (вспомним отрицание сознания у Моргана не только в неорганической материи, но и у многих организмов — инфузорий, гидроидов и т. п.). Эту заслугу Л. Моргана перед диалектическим материализмом В. И. Ленин считал нужным отметить (см. вышеприведенные цитаты).

Для полноты суждений о Моргане мы приведем места, например, из его «Привычки и инстинкта», которые, по нашему мнению, содержат «опасные» формулировки рядом с утверждениями, близкими материализму: «тело подчиняется контролю мозговых полушарий; производя контроль надлежащим образом, полушария мозга могут употреблять излишек своей энергии различным образом, не нарушающим законов их собственного развития»<sup>1)</sup>. Это положение, например, объясняет относительную мощь человека рядом с физически сильными животными; но это положение имеет перифразу: «у сознательного животного имеется психическая система, связанная с органической системой, (в других местах — подчиненная) т. е. *imperium mentale in imperio corporale*»<sup>2)</sup>. Для «строгого» критика такая формулировка может дать материал для отрицательных суждений о Моргане. Но это место можно трактовать, как усиленное подчеркивание отрицания тождества материи и сознания при утверждении их единства: *imperium mentale* входит составной подчиненной частью в *imperium corporale*. Можно комментировать и иначе, но это будут только комментарии, разъясняемые, конечно, наилучше экспериментальными данными Моргана, говорящими скорее в пользу первого толкования.

Пли, например, положение Моргана: «Направление, в каком склонность и отвращение стремятся способствовать психической эволюции, определяется нуждами органической жизни» (246); в этом положении содержатся элементы положения: «бытие определяет мышление». Пли: «С возникновением настоящего сознания в связи с организмом развивается специальный орган, зависящий от всего того, что дает ему возможность пользоваться опытом, но в то же время управляющее (так в переводе; очевидно, должно «управляющий») всем этим. В этом органе явления окружающего мира символизируются, символы связываются посредством ассоциаций, и орган этот

<sup>1)</sup> Ор. cit., стр. 241.

<sup>2)</sup> Ор. cit., стр. 248.



руководит действиями животного, возбуждая их или задерживая, в зависимости от того сознательного символизма, который мы называем опытом. Чем выше сознательный символизм, тем лучше животное приспособляется к условиям жизни»<sup>1)</sup>. Это положение может быть легко истолковано в материалистическом духе, но может дать повод и к другому толкованию (особенно фраза «в то же время управляющий всем этим»). Мы нарочно отобрали из данного сочинения Моргана опасные формулировки для полноты его характеристики, требующей уточнения, но не голословного обвинения в метафизике, мистике и т. п. этого выдающегося ученого, обратившего внимание В. И. Ленина за свои материалистические тенденции в работах.

В. И. Ленин в борьбе с махистами не раз ссылается на Ллойда Моргана, противопоставляя его взгляды идеалистическим, например: «В английской литературе, — говорит Ленин, — естествоиспытатели... сразу и вполне определенно заняли позицию по отношению к махисту К. Пирсону. Вот, например, отзыв биолога Ллойда Моргана: «Естествознание, как таковое, принимает мир явлений за внешнее по отношению к уму наблюдателя, за независимое от него», тогда как профессор Пирсон занимает «позицию идеалистическую», — заключает Ленин свое сравнение и оценку с точки зрения материализма взглядов Л. Моргана и К. Пирсона.

Положительная оценка Лениным взглядов Л. Моргана, как и других буржуазных ученых (например, физиков — Больцмана, Риккера и др.), конечно, не мешала Ленину отметить и теневые стороны некоторых взглядов этих ученых. Например, Ленин приводит следующее положительное утверждение Л. Моргана, но оттеняет при этом непоследовательность ученого, выразившуюся в некоторых элементах агностицизма: «Биолог в праве, — утверждает Морган, — рассматривать распределение организмов в пространстве, геолог — их распределение во времени, не останавливаясь для объяснения читателю, что речь идет только о чувственных восприятиях, об известных формах восприятий. Все это, может быть, и хорошо, но неуместно в физике и в биологии» («Natural Science», vol. I, 1892). По поводу этих слов Моргана Ленин замечает: «Ллойд Морган — представитель того агностицизма, который Энгельс назвал «стыдливим материализмом» и, как ни «примирительны» тенденции такой философии, все же примирить взгляды Пирсона с естествознанием оказалось невозможным»<sup>2)</sup>. Взгляды Больцмана Ленин называет «стыдливим, недодуманным до конца материализмом»<sup>3)</sup>. А элементы агностицизма у английских профессоров, например — физика Риккера, как, по нашему мнению, и Л. Моргана, при их стихийно-материалистической точке зрения, Ленин объясняет так: «Недостает этому физiku только знания диалектического материализма, если не считать, конечно, тех очень важных житейских соображений, которые заставляют английских профессоров называть себя «агностиками»<sup>4)</sup>.

Мы уделили относительно много внимания Моргану потому, что он является основателем современной научной психологии животных. Эта наука в силу методической природы своих объектов принуждена сосредоточить внимание на максимально объективном описании внешних движений животных, на их поведении (behaviour), вследствие чего данное направление усилило ассортимент вообще объективных приемов психологического исследования. Но и экспериментальная психология, исследующая преимущественно человека, имеет достаточный арсенал объективных средств своего исследования.

<sup>1)</sup> Морган. «Привычка и инстинкт», стр. 249.

<sup>2)</sup> Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стор. 183.

<sup>3)</sup> Ibid., стр. 295.

<sup>4)</sup> Ibid., стр. 281.



Связь марксистской экспериментальной психологии с научным бихевиоризмом, заложенными трудами Моргана, более глубокая и принципиальная.

Научный бихевиоризм, в отличие от крайнего бихевиоризма Уотсона и его русских последователей, поставил вопрос о появлении на определенной ступени развития материи состояний сознания, решал научными средствами этой основной вопрос диалектического материализма, отыскивая объективные признаки проявления сознания у высших животных.

Заслуга и ценность научного бихевиоризма особенно велики, если мы вспомним, что главные труды его создались в ту пору, когда в европейской научной мысли распространен был лозунг «Мы много не знаем и никогда не узнаем» («ignoramus et ignorabimus» — Дюбуа-Реймона); в этом утверждении, как известно, отрицалась самая возможность научного решения проблемы происхождения жизни и сознания.

Такой взгляд, глубоко враждебный материализму, имел своего врага в науке, например, в лице Л. Моргана, смело поставившего вопрос об объективных признаках наличия сознания на определенной ступени развития животного мира и решавшего его научными средствами; тем более странно слышать нападки на Моргана за якобы его «мистику». Вместе с тем становится понятным и то, почему в наше время принципиальные противники возможности изучения состояний сознания или нападают на научный бихевиоризм, идущий от L. Morgan'a, или прямо прибегают к солипсистским аргументам, позаимствованным, например, у неокантовца А. Н. Введенского (см. доводы Протопопова, Боровского, Енчмена).

Мы не утверждаем, что Л. Морган своими наблюдениями над птицами окончательно решил вопрос об объективных признаках сознания, появившегося на определенной ступени развития животного мира. В. И. Ленин для своего времени (около 1908 г.) говорил по поводу решения данного вопроса: «Остается еще исследовать и исследовать. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к его дальнейшим экспериментальным исследованиям» («Материализм и эмпириокритицизм», изд. 1920 г., стр. 38). Дальше мы и проследим главные вехи, исходившие от работ Моргана в экспериментальных исследованиях, о необходимости производства которых говорит В. И. Ленин.

Уже у Моргана мы имеем описание поведения его собачки Тони при решении ею задачи открыть запертую на щеколду дверь: «Отличается ли поступок цыпленка, — пишет Морган, — от поступка моего фокс-терьера Тони, который отворяет калитку, поднимая головой ее железную щеколду? Тони научился этому, во многих местах выглядывая из-за решетки, и, наконец, случайно выглянув снизу и в то же время нечаянно приподняв щеколду. Спустя некоторое время Тони так же воспользовался удачными последствиями своего случайного опыта и теперь открывает калитку, когда ему угодно».

Thorndike широко поставил опыты с животными (кошками и собаками) по разрешению ими задач, подобных задаче, разрешенной собачкой Моргана. Он помещал своих животных в ящик-лабиринт, а недалеко клал корм. Голодное животное, чуя этот корм, порывалось выбраться из ящика, но для этого оно должно было или поднять ручку, или подпрыгнуть и толкнуть открывающий рычаг, или его отодвинуть, вообще преодолеть в разных ящиках по разному устроенное препятствие. Когда задача решалась в первый раз, опыты повторялись дальше в той же ситуации. Исследователь наблюдал те движения, которое производило высвобождающееся животное, регистрировал их, отмечая с каждым новым опытом в одинаковой ситуации время и число бессмысленных движений до появления удачного движения.



Результаты наносились на кривую, где по абсциссе откладывались повторения опытов, а на ординате — время, потребное для разрешения задачи.

На основании таких кривых Thorndike пришел к выводу: при повторении опытов в одной и той же обстановке с каждым новым повторением число бесцельных движений, а следовательно, и время на них уменьшалось, и, наконец, бесцельные движения исчезали. Здесь мы имеем видоизменение поведения собаки под влиянием прогрессивного улучшения индивидуального опыта.

Спрашивается, играли ли какую либо роль при этом прогрессе неприрожденного опыта животных какие-либо психические состояния животных? На этот вопрос Thorndike определенно отвечает: того, что называют у людей обдумыванием, суждением, у собак как до первого удачного движения, так и после него он отметить не мог. Собака, производя много бесцельных движений при своем стремлении высвободиться из клетки, наконец нечаянно попадают на такое движение, которое разрешает поставленную ей задачу; затем между случайно выдвинутым целесообразным движением и ситуацией возникает твердая связь-ассоциация, приводящая к исключению нецелесообразных движений. Почему ассоциируются лишь целесообразные движения и отпадают нецелесообразные? На это Thorndike, как и Л. Морган, отвечает: потому что целесообразные движения сопровождаются *удовольствием*, а нецелесообразные — *неудовольствием*; эмоции — психические состояния — участвуют в отборе нужного движения. Механизм поведения, исходящего от эмоций, Морган объясняет так: «То, что мы называли «чувствованиями, связанными с действиями», есть не что иное, как влияние на сознание обратного удара от двигательных действий, разумеется, более или менее оттененных удовольствием или неудовольствием. Состояние сознания, к которому может быть приложен термин «эмоция», вовсе не так уж просто», — говорит Морган о сложных эмоциях и дальше объясняет структурный рост эмоции: «Характерным признаком эмоции я считаю, — говорит Морган, — влияние на сознание обратного удара от внутренностей, опять таки более или менее оттененного удовольствием или неудовольствием. Этот обратный удар, происходит ли он от движений или от внутренностей, есть дело первоначального происхождения. При последующих опытах память, помощью ассоциации, доставляет отголоски первоначальных представлений, а эти отголоски, в соединении с видоизменениями, вводимыми индивидуальным опытом, делают эмоциональные состояния взрослых животных чрезвычайно сложными, а тем более эмоциональные состояния взрослых людей, у которых развивается отвлеченная мысль, со всеми ее результатами»<sup>1)</sup>.

Уотсон, при своей описанной впереди точке зрения, пытался отвести направляющую роль эмоций в поведении собак и кошек при опытах Торндайка. Он полагал, что отбираются те движения, которые совершаются *наилучше*. Ему возразил Кoffka: вначале животное проделывает всевозможные движения, повторяя некоторые бесцельные из них; вероятность при этом совершения правильных и неправильных движений, по крайней мере, одинаковая; если стать на точку зрения Уотсона, то шансы совершить верное движение столь же велики, как сделать и неверное движение, *одна частота движений не способна быть фактором целесообразного видоизменения поведения*. Конечно, закон частоты, о котором говорит Уотсон, имеет свое общепризнанное значение, например, при выработке навыков, но речь идет о том, какие условия приводят к тому, что животное повторяет в дальнейшем данное целесообразное движение и не повторяет другие

<sup>1)</sup> Морган. «Привычка и инстинкт», стр. 188.



нецелесообразные движения, хотя бы они случайно и повторялись животным раньше. Представьте животное в клетке зверинца, где оно обычно делает движения вправо и влево, смотря на зрителей; такие движения стереотипны для заключенного животного и повторяются им очень часто — изо дня в день. Помешают ли зверю эти бесчисленно повторенные движения приковать свое внимание только к одному удавшемуся случайно движению, помощью которого он мог высвободиться из клетки хоть раз? Сильная эмоция в данном случае вызовет пропорциональную установку. Повышенные эмоция и установка скорее и глубже укрепляют связь раздражителя и целесообразного движения, чем многочисленные повторения безразличных движений.

При наличии эмоции, то поведение, которое обычно вырабатывается путем долгого повторения через *экстенсивную* трату энергии, теперь вырабатывается скоро и прочно через *интенсивную* трату энергии. Последний случай, дающий новые формы поведения, сопровождающиеся сознанием, иллюстрирует принцип перехода количества в качество.

Какие же элементарные формы сознания отмечает Thorndike у своих животных? Судя по его описаниям, он находит у них эмоцию и ассоциацию. Можно к ним дедуктивным путем присоединить установку (внимание) и восприятие, как неперенное следствие эмоции и условие ассоциации. Thorndike отрицает наличия обдумывания — суждения при решении животными поставленной задачи. Для ясности вопроса мы приведем справку из Вундта о различии между признаваемой Торндайком ассоциацией у животных и отвергаемым им суждением у них: «Критерием смышленного ассоциативного действия и собственно смышленного действия (которое я ограничиваю термином «рациональный» и «интеллектуальный») может служить только то, что результат ассоциации не заходит далее известных «родовых» идей (связей — З. Ч.), непосредственно возбужденных впечатлениями от органов ощущения или только возбужденных воспроизведенными впечатлениями, между тем как интеллектуальная деятельность в более узком значении слова предполагает несомненное образование понятий, суждений и заключений, т. е. деятельность создающего воображения». Ассоциации отображают наиболее тесные связи явлений, — связи, часто воспринимаемые непосредственно органами внешних чувств, в суждении же и обдумывании устанавливаются связи, значительно отдаленные от непосредственного материала восприятия, — связи, устанавливаемые только после обработки относительно большого материала восприятия; сюда относятся — образование понятий различного рода объема, установление связи понятий и т. д.

Итак, по Thorndike'у, у собак и кошек мы имеем наиболее простые элементы психической деятельности людей — ассоциацию и эмоцию. Этим вывод является завоеванием сравнительной психологии — при решении ею проблемы появления и развития сознания в животном мире.

Согласиться ли с Торндайком или отвергнуть его взгляды на наличие сознания у собак и кошек? Что мы можем противопоставить выводам Торндайка, достаточно равное по научному авторитету? В качестве такого противопоставления можно было выдвинуть методику и взгляды на поведение собаки академика Н. П. Павлова. Работа Торндайка вышла в 1898 г. («Animal Intelligence»); ее прочитал значительно позже<sup>1)</sup> Н. П. Павлов: «Я познакомился более полно — пишет по этому поводу Павлов, — с американскими работами и должен признать, что честь первого по времени выступления на новый путь должна быть предоставлена E. L. Thorndike'у,

<sup>1)</sup> В 1923 г., см. «Введение» в «20-летний опыт», стр. 8.



который на два-три года предупредил наши опыты, и книга которого должна быть признана классической как по смелому взгляду на всю предстоящую грандиозную задачу, так и по точности полученных результатов», но дальше Павлов проводит различие между его методикой и методикой Торндайка: у американских психологов «и методы и решаемые вопросы как бы *берутся с примера человека*. Я и мои сотрудники держимся несколько иначе. Как началась наша работа со стороны физиологии, так она и продолжается в том же направлении. Методы и обстановка нашего экспериментирования — все остается в области фактов, понятий и терминологии нервной системы. Конечно, подход к предмету с разных сторон только расширяет сферу исследуемых явлений».

Возможно, что ученик из школы И. П. Павлова, если не он сам, мог бы сказать, а некоторые из них и говорили, по поводу опытов Thorndike'a следующее: результаты этих опытов надо объяснить, как выработку условного рефлекса, а отбор целесообразного движения, как дифференциацию условного раздражителя; таким образом отпадает усиление поведения при помощи понятий эмоции и ассоциации.

Строго говоря, в опытах Торндайка и Павлова нет сходства экспериментальной обстановки: у Павлова на раздражители ситуации учитывается *одна безусловная реакция* — слюнная, у Торндайка — *множество бесцельных двигательных реакций*; у Торндайка животное совершает *выбор* одной нужной реакции из многих, у Павлова *одна неизменная* реакция организма за все время опытов — выделение слюны, с этой реакцией сопоставляются *различные* внешние раздражители; у Торндайка внешний раздражитель *один* — постоянный вид запертой клетки. Итак, у Павлова — одна реакция и много раздражителей, у Торндайка — много реакций и один раздражитель; у Павлова происходит отбор при помощи экспериментатора одного условного раздражителя из многих, у Торндайка — животное само отбирает одну реакцию из многих; *поэтому у Павлова животное ведет себя относительно пассивно, у Торндайка — значительно активно*. Целью методики Павлова, как впереди говорилось, является угашение элементов сознания у испытуемого и выработка автоматического навыка; таких целей Торндайк себе не ставит, он наблюдает поведение при относительно естественных условиях: животное, не стесненное в выборе движений, должно преодолеть препятствие; при таких условиях невозможен тот экспериментальный сон, который характерен для методики Павлова.

Но действительно ли опыты по методике И. П. Павлова лишены влияния эмоций животного, каковое влияние необходимо пришлось допустить при своих опытах Торндайку. А из эмоции вытекает установка (внимание) и восприятие предмета, на который сделана установка; последние же процессы обуславливают ассоциацию.

Ответом на поставленный вопрос являются некоторые *instantiae crucis* опытов по методике Павлова. Надлежит заметить, что непременным условием опытов с собаками по методике Павлова является состояние голода у этих животных. Если это состояние голода связано с переживанием эмоции, каковое переживание и является доминантным в поведении животного, как это утверждает теория Л. Моргана и Торндайка, то поведение животного будет зависеть не только от условного раздражителя, но и от эмоции, ибо сам условный раздражитель, по Моргану и Торндайку, получает значение для поведения животного через окраску его эмоцией. Если бы окраска эмоциональным переживанием условного раздражителя не являлась одним из ближайших факторов поведения животного, то последнее зависело бы только от условного раздражителя. *Instantiam crucis* такого спора мы имеем



в опытах Крестовникова по методике Павлова — о них мы говорили впереди. Кратко повторим: условный рефлекс не воспитывается, если условный раздражитель дается после момента кормления. Такую неудачу выработки условного рефлекса приходится объяснять погашением установки; погашение установки, в свою очередь, объясняется погашением эмоции голода состоявшимся кормлением. Наш спорный вопрос такими опытами решается так: эмоция является одним из *ближайших* факторов, определяющих поведение собаки («конечным фактором, определяющим и эмоцию животного, является внешняя среда — бытие»).

Другой пример, поддерживающий наше толкование условно-рефлекторных опытов дает сам И. П. Павлов, когда он жалуется на то, что течение опытов срывается часто различными посторонними раздражителями, привлекающими внимание (установку) подопытных животных: «Скроется ли солнце за облаками, прорвется ли луч света, произойдет ли внезапное усиление или ослабление света лампочки, пробежит ли по окну тень, распространится ли новый запах — во всех этих случаях придут в специальное движение веки, глаза, уши, ноздри животного, повернутся, переставятся туда или сюда, так или иначе голова, туловище и другие отдельные части животного; при чем животное, что называется, застывает, замирает в определенной позе. Перед нами роковая реакция организма; рефлекс, который мы называем ориентировочным рефлексом» — говорит Павлов. Описание «роковой реакции» собаки говорит за то, что установка является типичным психическим актом внимания (конечно, условно его можно назвать, как кому угодно): для того, чтобы собака перенесла установку с одного раздражителя на другой, необходимо, чтобы раздражение было не ниже порога сознания для данного вида ощущений; раздражения интенсивностью ниже порога сознания — собака просто не воспримет и, вследствие этого, она не переустановит себя на них. Подвижность установки собаки, описанная Павловым, может объясняться ее эмоциональными состояниями, связанными с природной ролью домашней собаки, как сторожа.

Итак, если мы раскроем скобки для тех сложных состояний собаки, которые она имеет во время условно-рефлекторных опытов и для названия которых при этом употребляется созданная И. П. Павловым условная терминология, то мы встретим в составе моментов, обуславливающих поведение собаки, типичные психические состояния — эмоцию и внимание, не говоря уже о других элементарных психических состояниях — узнавании, различении, памяти. Эти состояния И. П. Павлов, ради своей профессиональной задачи — освобождения физиологии от имевшейся в ней власти психологических понятий, — стал называть новыми условными терминами, от чего, конечно, психофизиологические состояния не изменили своих специфических особенностей и своего значения для поведения собаки. Отказ от констатирования реальных психофизиологических состояний, имеющих у подопытного животного, объяснит нам описанное впереди Павловым «роковое» для методики условных рефлексов расхождение реального поведения собаки и желательного для экспериментатора, работающего по данной методике. Такое недоразумение невозможно при методологическом подходе и терминологии Торндайка так же, как невозможен у последнего и экспериментальный «сон» собаки во время опытов.

Ученый, имеющий мировое значение в области изучения поведения животных и человека — W. Köhler (один из основателей Gestaltpsychologie) — «революционер» в области методологии и методики этого изучения, не мог не заметить *ирреализма* и *антропоморфизма* некоторых методик, в том числе, по нашему мнению, и условно-рефлекторной: экспериментатор, устраи-



вая лабораторную обстановку, считает в ней наиболее существенной частью нужный ему раздражитель, на который он ждет определенную реакцию животного; все остальные и многочисленные детали обстановки и меняющиеся состояния животного экспериментатор обычно принимает за безразличный фон; ошибка антропоморфизма при этом заключается в том, что экспериментатор молча полагает, что животное воспринимает и относится к обстановке так, как и он сам, с точки зрения поставленных им научных задач. Но для «невинного» животного распределение существенных и несущественных частей обстановки может быть совсем иным, чем для исследователя<sup>1)</sup>. Отсюда «роковое» поведение животного в лаборатории, — «роковое» для методики изучения автоматических привычек, или условных рефлексов, как о том выразительно говорит Павлов. Ирреализм здесь состоит в том, что реальное психофизиологическое состояние собаки принимают только за чисто физиологическое, а антропоморфизм — в том, что одновременно собаке приписывается психофизиологическое состояние ученого, а именно: одинаковое восприятие обстановки экспериментатором и собакою.

Терминология теории условных рефлексов не вскрывает некоторых факторов в поведении животного, а просто их замалчивает.

Имеет ли терминология Павлова преимущество перед терминологией Торндайка? Акад. И. П. Павлов, по адресу американских психологов сказал, что у них «методы и решаемые вопросы как бы берутся с примера человека». Это замечание и другие подобные давали повод некоторым противопоставлять «объективный» метод Павлова субъективному методу психологов. о терминах «объективный» и «субъективный» мы говорили впереди; напомним кратко. Все наше знание, по Плеханову, субъективно: «Вопрос не в том, субъективно ли знание; это разумеется само собою», — говорит он. Слова Ленина дообъясняют этот факт: «Иных ощущений, как человеческих, т.-е. субъективных, — ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего, — не бывает».

Каков же критерий, позволяющий отделить те субъективные наши ощущения, которые дают объективные, общезначимые выводы, от тех «субъективных» ощущений, которые на такой характер достоверности претендовать не могут? Как известно, критерий этот представляет практика, в науке — практика — эксперимент. «Вопрос не в том, субъективно ли знание: это разумеется само собою, — говорит Плеханов. Вопрос в том, может ли знание быть истинным (объективным — З. Ч.). Иначе сказать: могут ли представления о свойствах вещи, возникающие у субъекта, соответствовать, т.-е. не противоречить, действительным ее свойствам? А на этот вопрос не трудно ответить, вспомнив, что наши представления о вещи создаются на основании тех ощущений, которые испытываем мы, приходя так или иначе в соприкосновение с нею. Если мы на основании прежних наших соприкосновений с вещью составили себе такое представление о ее свойствах, которое не соответствует действительности, то рано или поздно мы почувствуем это несоответствие при новых столкновениях с нею» — заключает Плеханов<sup>2)</sup>.

На основании этих слов можно сказать: объективное знание это есть субъективное знание, проверенное практикой, т.-е. внешней действительностью, независимой от сознания. В науке «практика» выражается экспериментом; эксперимент позволяет еще раз и еще раз сверить наши субъективные построения с действительностью и отбросить производные из них,

<sup>1)</sup> W. Köhler. Статья «Intelligence of Apes» в сборнике «Psychologies of 1925 y.», изд. Университета Кларка в Массачусетсе.

<sup>2)</sup> Плеханов. «От обороны к нападению», изд. Друтмана, стр. 128.



оставив отвечающие действительной природе объекта. Деление научной работы на «объективную» и «субъективную» есть произвольное деление, если основой научной деятельности является практика. Вот почему в науке, с одной стороны, «методы и решаемые вопросы берутся с примера человека», т.-е. методы и решаемые вопросы есть человеческие методы, а не лучшего, как сказал Ленин, ибо иных ощущений и знаний — не человеческих — и не может быть. Те, кто называют свою работу «объективной» по преимуществу, или располагают большими возможностями эксперимента — практики, или высокого мнения о своей способности истолковывать наблюдаемые в эксперименте факты. Истолкование фактов всегда будет занимать определенное место в познании человека: это истолкование и ведет к той деятельности, помощью которой ученый, составивши себе один раз на основании соприкосновения с вещью представление о ее свойствах, проверяет практикой истинность этого представления. Вопрос истолкования особенно усложняется, когда дело касается не непосредственного восприятия фактов, а установления закономерностей. Логика напоминает: «мы можем усиленно наблюдать факты в течение всего времени, пока находимся в бодрственном состоянии, но от этого мы не станем ни на йоту мудрее, если наш рассудок не будет при этом объяснять этих фактов и выводить из них заключения»<sup>1)</sup>.

Требует своей расшифровки определение «объективного» у акад. Павлова: «Я надумал исследовать предмет *чисто объективно, с внешней стороны*»<sup>2)</sup>. Уже только для описания внешней стороны поведения требуется психическая, субъективная деятельность ученого. Но такое, внешнее, описание, как видно, еще не составляет сути объективной научной деятельности. Главное в этой деятельности заключается не только в описании внешних фактов, т.-е. преимущественно в деятельности органов ощущения, но и в анализе этих фактов и нахождении закономерностей для них. Вот эта последняя деятельность ученого, как и описательная, является типичной психофизиологической, «субъективной», деятельностью. Взгляды акад. Павлова о работе больших полушарий есть, по его же словам, «плод неотступного двадцатипятилетнего *думания*». Эта специфическая для работы ученого психическая субъективная деятельность предполагает наличие законов психической деятельности, а следовательно, науку о закономерностях психической деятельности людей вообще и ученого — в частности. Без работы психики нет знания, без науки о психике нет *критического* знания. Называть свою субъективную деятельность объективной и не признавать науки о закономерностях этой субъективной деятельности — это было бы настоящим «субъективизмом» в отрицательном смысле этого термина.

В заключение описания и разбора исследовательской работы Торндайка мы полагаем, что имеем право сказать: исследовательская обстановка, методика и толкование опытов психолога-бихевиориста Торндайка объективны в строгом, методологическом, а не случайном, смысле этого слова.

Из разобранных работ сравнительных психологов намечается теория гедонического происхождения интеллекта (сознания в узком смысле): из психических проявлений первоначально возникает в животном мире эмоция: в достаточно высоко развитой нервной организации сильные обратные удары рефлекторной дуги вызывают рудиментарное эмоциональное состояние; часть клеток или отдел нервной системы может специализироваться на восприятии таких состояний. Тот же принцип перехода количества в ка-

<sup>1)</sup> Минто. «Дедуктивная и индуктивная логика», стр. 332.

<sup>2)</sup> И. П. Павлов. «Лекции о работе больших полушарий», стр. 16.



чество дает то, что сильная эмоция вызывает повышенную установку организма на соответствующем предмете восприятия; рост количества и здесь приводит к новому качеству, изменению поведения животного под влиянием одного случая (цыплята и ядовитая личинка у Моргана), связь здесь прочная и скорая возникает не через долгое повторение, а чрез единичное интенсивное возбуждение воспринимающих центров (ассоциация). Рефлекс, инстинкт и автоматическая привычка отличаются от этих новых форм поведения животных с участием сознания; исследователи принуждены признать эти новые формы элементарными формами человеческого сознательного поведения. *Tertium non datur*, или автоматическое поведение или сознательное! Так намечается ответ экспериментальной психологии животных и человека на поставленную диалектическим материализмом этим наукам задачу: определить объективные признаки появления сознания и его эволюцию в животном мире. Ответы Моргана и Торндайка, конечно, не последние слова искомого ответа: надлежит еще «исследовать и исследовать», как сказал Ленин. Но надлежит для этого удалить всякие недоразумения методологического характера: называть поставленный Лениным науке вопрос «метафизикой», «мистикой», кичиться объективным методом, не зная природы знания, употреблять доводы идеалистического агностицизма вместо доводов диалектического материализма, не догадываясь о недоразумении и т. п.; а все это можно встретить во многих брошюрах, «критикующих» на основе перечисленных аргументов современную марксистскую психологию.

Но нам могут сказать: а имеются ли эмоции у той инфузории, что описал Дженингс и наблюдения над которой дали ему материал к объяснительному принципу «проб и ошибок»? Ведь эта инфузория (*oxytricha fallax*) избегает при своем движении некоторых направлений. Определяются ли эти изменения эмоциональным состоянием, или для их объяснения достаточно предположить, если не чисто химические закономерности, к чему склонялся Леб, то физиологические, которые подчеркивает Дженингс? Допущение у инфузории проявлений сознания, хотя бы в самой элементарной форме эмоциональных состояний, не было бы даже, по нашему мнению, аналогией, потому что аналогия, как известно из логики, «обозначает значительное сходство между двумя вещами — настолько значительное, что оно позволяет нам заключать, что эти вещи сходны не только теми сторонами, которые мы наблюдаем, но и теми, которые мы еще не изучали»<sup>1)</sup>.

А более или менее близкое сходство в строении тела и нервной системы, — с одной стороны — высшего животного и человека, у которых мы находим сознание, и — с другой стороны, — например, инфузории и близких к ней существ — мы затрудняемся указать. Если бы даже работы Шарпа, Риса, утверждающие наличие нервно-моторного аппарата у инфузорий, нашли дальше свое подтверждение, то и тогда вопрос о наличии у них каких-либо элементов сознания решался бы отрицательно. Если в данном вопросе мы принуждены исходить от человека, обладающего несомненными состояниями сознания, и если пользоваться лишь только логической аналогией (а не вульгарной, житейской), то мы должны допускать возможность наличия сознания лишь у тех животных, которые обладают нервной системой, сходной в своей относительной величине, сложности и плане с нервной системой человека; при этом характерным для утверждения наличия сознания признаком должно являться наличие и достаточное развитие именно коры мозга. Такая отправная точка зрения сразу облегчает трудности и споры в решении вопроса о возникновении сознания в животном мире.

<sup>1)</sup> Минто. «Дедуктивная и индуктивная логика», стр. 445.



Решение данного вопроса уточняется и облегчается воззрением: сознание есть функция высокой организованности тела. При наличии этой посылки и следующей, представляющей логическое правило: «мы не имеем никакой надобности ума заключать на основании общего сходства между предметами (по аналогии), раз у нас есть основание быть уверенным в том, что данное свойство вытекает из какого-нибудь признака, которым, как нам известно, предмет обладает»<sup>1)</sup> — *следует, что о сознании, как о свойстве материи, вытекающем из ее высокой организованности, мы можем заключить даже не по аналогии, а на основе общих индуктивных методов сходства и различия. При таких условиях наша задача в значительной степени облегчается, и при разборе ее решения устраняются голословные суждения о «субъективности» метода, недостаточности аналогии и т. п.*

*Сравнительная психология ставит вопрос о появлении и развитии сознания на определенной ступени развития животного мира и решает его полноценными научными средствами.*

В постановке своих вопросов и решении их она не может не исходить из знаний о познающей психике человека, как этого не может делать любая наука, поскольку она наука, т.-е. обладает продуманной до конца методологией, а не простым набором лабораторных технических приемов, хотя бы исходящих от «авторитета» данной дисциплины. В особенности сравнительной психологии приходится знать психологию человека, ибо ее основная вышеописанная задача, в сущности, заключается в вопросе: какие ступени развития животного мира характеризуются наличием элементов тех состояний, которые нам сравнительно хорошо и доподлинно известны по человеку, как состояния сознания? Мы дальше, в заключение обзора успехов *научного* бихевиоризма, постараемся показать на собственных экспериментальных исследованиях ту методологическую выгоду, которую приобретает сравнительная психология животных из знания психологии человека.

А пока перейдем к обзору дальнейших успехов *научного* бихевиоризма,

Перке продвинул дальше изучение поведения животных в поисках при этом форм, близких к сознаваемому поведению человека<sup>2)</sup>. Если работы Моргана и Торндайка утверждали наличие эмоций и элементарных ассоциаций в акте поведения цыплят, собак и кошек, то Перке шел дальше, исследуя вопрос, не встречается ли, по крайней мере, у высших животных, например, у оранга, та форма человеческого поведения, которая основана на хотя бы элементарном *понятии и суждении*, как таковых.

Предложенный им метод заключался в учете способности, которой Перке дал название «идеация». Сущность его методики заключалась в нижеследующем: перед животным стоял ряд ящиков; по внешнему виду они отличались тем, что одни из них были с закрытой дверкой, другие — с открытой; в одном из приоткрытых ящиков лежала приманка для животного: снаружи приманка незаметна, ее надо искать; при этом, если животное в поисках приманки пыталось проникнуть в открытый ящик, где ее не было, оно получало ощутительный электрический удар. Центр тяжести интересов данной методики заключался в следующем. После того, как животное находило ящик с приманкой, повторение дальнейших опытов в *неизменной обстановке* давало бы право говорить как о том, что живот-

<sup>1)</sup> Миято. «Дедуктивная и индуктивная логика», стр. 459.

<sup>2)</sup> Yerkes, R. M.: 1) «The mental life of monkeys and apes». Behav. Mon., v. 3, № 1, 1926; 2) «Animal psychological criteria of and the psychic» — Journ. of Philos., Psychol. and Scient. Meth., v. II, № 6, 1905



ное, понукаемое раздражителями, действующими на его эмоцию (голод, боль от электрического удара), выработало крепкую ассоциацию на определенное место в ряду ящиков, так — с равным правом — и о том, что здесь мы имеем автоматическую привычку, а не сознаваемую ассоциацию. Чтобы получить определенное решение, Перкс опытную обстановку после первого решения менял так: ящик с приманкой помещался среди нового ряда ящиков, часто измененного в своем числе; для чего, например, открывалась часть закрытых раньше ящиков, и наоборот. Но при этом всегда соблюдалось главное условие методики: нужный ящик помещался всегда в определенном месте ряда открытых ящиков, например, по середине при нечетном числе ящиков, или вторым от края и т. д. Короче, обстановка заметно менялась в своих непосредственно воспринимаемых элементах, неизменен был один момент восприятия, а именно: *восприятие отношений* ряда открытых ящиков к искомому. Это акт восприятия, по мнению Перкса, является не непосредственным — ассоциативным, а требует элементарного анализа и обобщения со стороны животного, прежде чем оно исполнит желательное для него действия. Действие животного обусловлено, по мнению Перкса, предварительным интеллектуальным процессом «идеации», т. е. *анализом меняемых признаков ситуации с целью выделения всякий раз существенного признака среди многих других изменяемых признаков обстановки*. Такой процесс близок к построению человеком понятий.

Что можно возразить Перксу? Можно отбросить его формулировку своей задачи, навязать ему задачу в собственной формулировке критика, чтобы в заключение провозгласить, формулу: «все это условные рефлексы». Но это был бы только пример усвоения критиком чужой темы и материала для своей собственной теории. «Не трудно, конечно, изобрести целый каталог названий: «рефлекс цели», «рефлекс бога», «рефлекс права», рефлекс... и пр. На все найдется свой рефлекс... Беда только в том, что ничего, кроме игры в бирюльки, здесь мы не получим» — говорит Бухарин об одном подобном критике<sup>1)</sup>.

Любопытны результаты опытов по методике Перкса. Наилучшие результаты получались у людей, затем у свиней, а из обезьян лучшие результаты получались у макак, чем у оранга, стоящего ближе к человеку. На экспериментальные данные приходится отвечать прежде всего новыми экспериментальными данным, как об этом говорит Плеханов в своем объяснении по поводу того, как субъективное знание становится истинным чрез проверку практикой. Вопрос об изучении наличия у животных типичных форм интеллектуальной деятельности, к каковым принадлежит образование понятий, работами Перкса если не разрешен, то поставлен на экспериментальную почву.

Другой крупный современный бихевиорист — Hunter — в своих опытах, исследовал, по нашему мнению, поведение животных, нуждающееся в акте *воспоминания*. Свой метод Hunter назвал «метод отсроченных реакций»<sup>2)</sup>. Для воспоминания характерно то, что оно начинается некоторой, иногда небольшой, частью пережитой ситуации («клубок воспоминаний»); исходя из этой части, испытуемый восстанавливает более или менее адекватно всю пережитую в прошлом ситуацию. В опытах Hunter'a и других, следовавших за ним, условный раздражитель был сложный — он состоял,

1) «Атака», стр. 153.

2) Hunter, W. S. 1) «The delayed reaktion animals and children». Behav. Mon., v. 2, № 1, 1913; 2) «The problem of consciousness», Psychol. Rev., № 1, v. 31, January, 1924; 3) «The symbolic process», Psychol. Rev., v. 31, 1924 г.; 4) «The subject's report», Psych. Rev., v. 32, 1925; 5) «Psychology and Anthropolonomy», сборн. «Psychologies of 1925 г.».



например, из двух сигналов, последовательное выполнение которых являлось знаком действия испытуемого. По приобретении выучки давался один сигнал, другой же отсрочивался на значительное время; в промежутке между сигналами испытуемого теперь развлекали, создавая новые установки, когда, по мнению экспериментатора, установка, непосредственно вызванная первым условным раздражителем, сменялась многочисленными другими установками; а получить это легко, ибо объем внимания установки даже у человека относительно небольшой: максимум шесть одновременных впечатлений; после переустановки давался второй сигнал, который вызывал по воспоминанию первоначальную установку, созданную первым сигналом и погашенную в перерыве.

Hunter нашел, что подобное качество поведения больше присуще детям и енотам и трудно, если почти не невозможно, для крыс и собак. При истолковании данных может идти спор о том, подходит ли описанные «отсроченные» реакции под тип поведения, осуществляемого нервным аппаратом или простого «безусловного» рефлекса, или инстинкта, или автоматической привычки, или сознаваемого в той или иной степени поведения; все эти формы различны по своему приспособительному эффекту и по своей структуре. Научная задача и состоит во вскрытии их особенностей; говоря о сознаваемой форме поведения, мы имеем в виду работу нервной системы, близкой по строению к нервной системе человека и обладающей развитыми функциями коры; в числе этих функций и есть воспоминание; о каком-то «особом» факторе говорить при этом можно только по недоразумению.

То поведение животных, которое исследовал Hunter, своей методикой не подходит ни под простой рефлекс, ни под инстинкт, ни под автоматическую привычку (условный рефлекс). Что первые две формы поведения, рефлекс и инстинкт, сюда не подходят — это ясно. Для условного рефлекса характерна дифференциация раздражителя от всех близких к нему; так, в опытах по методике Павлова собака реагировала на определенный тон и не реагировала не только на соседний тон и даже полутон, но не реагировала на значительно меньшее изменение тона, вызывавшего условную реакцию.

Условный раздражитель Hunter'a был разорван на две части длительным промежутком времени и новыми установками животного; тот раздражитель, который вызывал отсроченную реакцию, отличался от первоначального раздражителя, это не был даже «полутон» в опытах по условно-рефлекторной методике; это было совсем новое по объему раздражение для животного, особенно, если согласиться со взглядами целостной психологии, утверждающей, что новую ситуацию животное и человек воспринимает как целостный образ. Если бы поведение в опытах Hunter'a было автоматической привычкой (условным рефлексом), то оно, при отличии раздражителей для начальной выучки и для отсроченной реакции, не имело бы основного признака выработавшегося условного рефлекса — дифференциации условного раздражителя от всех сходных раздражителей. Но если еще вспомнить жалобы Павлова на то, что малейшее неумовное экспериментатором раздражение — усилившаяся тень, малозаметный шорох, легкое изменение температуры и т. п. (см. впереди) дают «роковую» для выработки условных рефлексов реакцию, а именно: резкое изменение установки, мешающее выработке условного рефлекса, то еще более понятной станет различие форм поведения, исследуемых методикой Павлова и Hunter'a; в методике Hunter'a употребляются специальные и сильные раздражители, отвлекающие внимание животного от первоначального раздражителя и экспериментальной ситуации. Если Павлов свидетельствует о своих опытах, что в них «ка-



ждый звук, как бы он ни был мал, каждое колебание интенсивности освещения комнаты — скроется ли быстро солнце за облаками, прорвется ли луч из-за туч» и т. д. — уничтожают условный рефлекс, то при таких условиях можно судить, насколько поведение животных в опытах Hunter'a с их специальным и сильным отвлечением установки животных от раздражителя и ситуации, есть условный рефлекс — автоматическая привычка (конечно, надлежит отличать, например, «умственные привычки», с несомненной при этом ролью сознания, от «автоматических привычек» — условных рефлексов). «Пред экстремным требованием внешней обстановки, — говорит Павлов, — должна временно отступить другая текущая действительность. Это есть самая назойливая и прямо непобедимая и неустрашимая в теперешних лабораториях причина нарушения основного явления — условного рефлекса»<sup>1)</sup> — здесь акад. И. П. Павлов дает формулировку, резко подчеркивающую разницу между автоматической привычкой — условным рефлексом в строгом смысле (а не произвольно расширенным) и формой поведения животных в опытах Hunter'a. Последняя форма имеет специфические особенности, отличающие ее от простого, безусловного, рефлекса, инстинкта и условного рефлекса; поведение испытуемых в экспериментальной обстановке Hunter'a есть дальнейшая ступень в приспособительном поведении животных, это есть *действие по воспоминанию*.

Все указанные здесь формы, как и все формы поведения человека, некоторые (Енчмен, Протопопов и др.) называют «условными рефлексам». Мы полагаем, что в таком обобщении имеется логическая ошибка фиктивного обобщения, fallacia fictae universalitatis. Приведем ее описание в словах биолога проф. В. Вагнера: «пред нами — крыло бабочки, крыло птицы, крыло дракона (животного) и крыло аэроплана. Все это несомненные явления «беспредельного приспособления» (в чем и Павлов видит сущность жизни); все крылья служат для одной цели — летания, все решают свои задачи аналогичными средствами, вследствие чего, рассуждая методом И. П. Павлова, в «сущности суть явления одного и того же рода»; и в таком утверждении нет ничего неправдоподобного; но вопрос — то не в этом, а в том: содействует ли такой способ решения задачи познанию истины, или тормозит это познание? Едва ли найдется хоть один натуралист, который высказался бы за первое, а не за второе положение: крылья названных животных и аэроплана суть явления одного рода лишь с *одной точки зрения*, они однородны только условно, с оговорками, а отнюдь не по существу, как это утверждает Павлов. По существу это предметы не только одного рода, а совершенно различные: у бабочки крылья — накожные образования, у птицы — это видоизмененная передняя пара конечностей, у дракона — это приспособительный аппарат грудной кости (в частности, ребра), у аэроплана — это приобретенная человеком машина. Не очевидно ли, что познание этих, по существу своему совершенно различных, предметов не только целесообразнее, но и возможно лишь путем *различного* их изучения, различного подхода к природе этих предметов... Но, может быть, в психологии, о которой, собственно, и говорит И. П. Павлов, дело обстоит иначе, чем в морфологии. Конечно, не иначе, а совершенно так же; и потому и последствия метода должны быть теми же»<sup>2)</sup>.

Конечно, по нашему мнению, различие предметов, о котором говорит проф. Вагнер, как видно, есть, различие логическое, различие предмета одной науки от предмета другой, а не онтологическое различие объектов наук.

<sup>1)</sup> Павлов. «20-летний опыт», изд. I, стр. 82.

<sup>2)</sup> В. Вагнер. «Биологические и смежные науки», 1923, стр. 29 — 30.



Как раз усилие психологов-марксистов и направлены на подведение психических состояний организма под общие закономерности явлений материального мира с целью сделать науку о сознании частью единой системы наук о природе вообще, включая сюда и человека с его поведением, против чего, как мы видели, возражают некоторые рефлексологи, ссылаясь на научную непознаваемость, по их мнению, психических состояний. Взгляды представителей научного бихевиоризма (Моргана, Торндайка, Перкса, Hunter'a и др.) с выше упомянутой установкой марксистов-психологов до значительной степени совпадают.

Из этого не следует, что принципы представителей бихевиоризма, даже научного, целиком совпадают с принципами марксистской психологии. Примером могут служить хотя бы некоторые частные взгляды Hunter'a. Он достаточно последователен, чтобы понять ошибку Watson'a или Weiss'a, которые начали с игнорирования состояний сознания, а кончили их полным отрицанием, упершись в тупики мышления и выводов типа Енчмена. Но у Hunter'a нехватает последовательности, чтобы добраться до гносеологических корней ошибки Watson'a, Енчмена и др., а именно: все нелепости суждений Енчмена и ему подобных вытекают из утверждения непознаваемости психических состояний, из их солипсизма и агностицизма. Hunter склонен, по крайней мере — в его статье «Problem consciousness», к утверждению непознаваемости состояний сознания, хотя тут же, как обычно присуще подобным мыслителям, непоследовательно для основной своей точки зрения пытается разрешить «проблему сознания» помощью понятия «речевой реакции». В другой статье, «Psychology and Anthropolonomy», Hunter, не отрицая сознания, однако, коренной недостаток психологии видит в том, что она изучает «не человека самого по себе», а будто бы «окружающую среду», при этом Hunter добавляет: «среду, как она переживается человеком». Да, в этом мы и видим одну из задач психологии. Если бы человек был сверх-Робинзон, то и тогда бы его сознательное поведение ценилось, как приспособление к окружающей среде. «Для всякого естествоиспытателя, не сбивтого с толку профессорской философией, — говорит В. И. Ленин, — как и для всякого материалиста, *ощущение*, есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, *есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания*. Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира»<sup>1)</sup>. Это «отделение» сознания от внешнего мира особенно подчеркнуто приведенным теоретическим суждением Hunter'a. Бесспорная ценность работ Hunter'a заключается не в приведенных здесь суждениях (повторяемых некоторыми у нас в Союзе), а в его экспериментах.

Если бы ученому потребовалась методика для обнаружения и изучения *действий по воспоминанию*, то, кроме других методик, изучающих такие состояния, он мог бы обогатиться и методикой Hunter'a. Конечно, добытые выводы и истолкование результатов в опытах Hunter'a, как всегда, есть «субъективное» знание, истинность которого, в случае сомнений, проверяется новыми опытами — «практикой». Ценность проделанных Hunter'ом опытов заключается в новой точке зрения и в создании методики, освещающей эту точку зрения. Работа Hunter'a является действительным продвижением науки — сравнительной психологии — вперед; такой шаг является ответом на пожелание диалектического материализма: «исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе,

1) Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 43.



с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путанного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути посредством пустого словесного выверта: элемент» (Ленин<sup>1</sup>). Здесь выражены не только desiderata диалектического материализма в отношении науки, но и предупреждение от ложного шага ее.

В описанных здесь работах бихевиористов, независимо от их общего мировоззрения вне лаборатории, устанавливается точка зрения на сознание, как функцию высокоорганизованной материи: неорганическая материя, низшие животные сознанием не обладают; оно появляется в результате высокой организованности первоначальной материи; сознание присуще не только человеку, как думал Декарт с отцами Сорбонны; высшие животные имеют элементарное сознание. Такая точка зрения, основная для научного бихевиоризма, но не крайнего, есть материалистическая точка зрения и в то же время диалектическая; в научном бихевиоризме она подкрепляется строгим экспериментом. Основную тенденцию и экспериментальные данные научного бихевиоризма — сравнительной психологии животных — можно исказить в угоду иным мировоззрениям, но это будет только искажением фактов. Основная тенденция, близкая диалектическому материализму, и богатство экспериментальной методики есть ценный вклад бихевиоризма в общую марксистскую психологию.

В заключение обзора направления, столь интересного для диалектического материализма, приходится сказать об отношении его к психологии человека. Психология человека имеет ценного союзника в лице сравнительной психологии животных — может ли она отплатить чем-либо свой долг последней? Мы видели на предыдущем разборе, что факты опыта всегда подвергаются истолкованию, имеющему целью установить не только чистоту фактов, но их закономерности, что при этом невольно «методы и решаемые задачи берутся с примера человека», так как наше знание субъективно, психично; такое положение не исключает того, что сознание человека, опираясь на независимую от него внешнюю действительность, может быть истинным; раз сознание играет такую роль в науке, то изучение закономерностей познающего сознания необходимо для каждой науки и в особенности для родственной по задачам сравнительной психологии животных.

То, что сравнительная психология животных дает психологии человека, мы, кажется, достаточно освещали. Теперь стоит задача показать, что может дать психология человека своей союзнице. К этому мы и переходим.

Уже П. П. Павлов, как физиолог, штрафовавший во имя своих профессиональных задач сотрудников за психологическую терминологию, попавшую в его лабораторию, очевидно, из-за методологической слабости физиологии, принужден признать в согласии и со своими опытами следующее: «сознание представляется мне нервной деятельностью определенного участка больших полушарий, обладающего известной оптимальной возбудимостью»<sup>2</sup>). Отсюда вытекает дальнейший вывод: автоматические навыки, которыми являются прочно выработанные условные рефлексы, могут не сопровождаться сознанием, чем они, естественно, и отличаются от сознательной деятельности; иначе: при автоматических актах «определенный участок

<sup>1</sup>) Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 38.

<sup>2</sup>) Павлов. «20-летний опыт», изд. I, стр. 159.



больших полушарий не обладает оптимальной возбудимостью». Приходится признать, как следствие из разбираемой концепции Павлова, и субоптимальное, пониженное возбуждение, что хорошо согласуется с прочно установленными фактами психофизики о нижних абсолютных порогах сознания; можно допустить и «сверхоптимальное» возбуждение, выражение чего, по нашему мнению, мы имеем в аффектах.

Сходные мысли подчеркнуты и теорией М. Dougall'a об обусловленности возникновения сознания повышенной тратой нервной энергии (конечно, в таком мозгу, как мозг человека, или подобном). Нервные токи условного рефлекса, привычки, идут по выработавшимся наиболее коротким путям, имея наименьшую трату нервной энергии (субоптимальное возбуждение). Исключительное, непривычное раздражение дает большую нагрузку на мозг, вызывая в нем «оптимальное» возбуждение; действие равно противодействию; и М. Dougall<sup>1)</sup> формулирует, свой взгляд на обусловленность сознания нервными токами приблизительно так: сознание возникает в коре в случае большого сопротивления нервному току в синапсах большого мозга; такие процессы вызываются исключительными, а не привычными явлениями среды. В этом положении мы имеем частный пример общего закона: количество дает новое качество. Dougall'y возражали приблизительно так: как же мы воспринимаем зеленую окраску дерева или голубое небо, к которому мы уже привыкли? Но возражать так — это значит плохо понять основную мысль Dougall'a. По его мнению, сознание, являющееся результатом повышенного возбуждения коры мозга, играет заметную роль в новом приспособительном поведении организма; все привычное не вызывает повышенного сопротивления в синапсах; только новое исключительное явление среды вызывает подобное сопротивление. При чем сопротивление в синапсах надлежит понимать, как знак возбуждения коры; большое корковое возбуждение путем иррадирования вовлекает в свою систему и многие другие центры коры. Короче: реакция мозга, дающая сознание, это есть реакция аппарата высокой приспособительной организованности и напряженности. Вызывают сознание только те раздражения, на которые направлена исключительная установка человека. Зелень лесов и голубизна неба для человеческого существования является чрезвычайно важными, а не безразличными условиями; голубизна неба меняется изо дня в день и даже каждый день, от чего зависит часто поведение человека в течение всего дня (в особенности у крестьянина-земледельца); к цвету неба, к его частым изменениям у человека имеется сильная целесообразная установка, приводящая к посылке повышенного нервного тока в кору мозга периферическими воспринимающими нервными аппаратами — тока, вызванного цветом неба, вследствие чего в коре, на основе принципа «действие равно противодействию», вызывается при этом не субоптимальное, а оптимальное возбуждение, дающее сознание.

Мы готовы допустить и ступень сверхоптимального возбуждения, когда, вследствие исключительного возбуждения, сознательная деятельность теряет нормальное течение; повышенная возбудимость и нарушения нормального протекания интеллектуальных процессов характерны для аффектов.

Исходя из близких друг другу принципов Павлова и Dougall'a, выражающих ближайшую обусловленность состояний сознания процессами в мозгу, мы и попытались найти на человеке объективные признаки, отличающие сознаваемые им действия, протекающие при «оптимальном» возбуждении

<sup>1)</sup> Mc. Dougall. «The nature of inhibitory processes within the nervous system», Brain, v. 26, 1903.



коры, от автоматических привычек, не требующих такой степени возбуждения.

В нашей лаборатории мы располагаем, с одной стороны, слюнной методикой изучения условных рефлексов у человека (см. о них главу дальше) и двигательной с видоизменениями ее, необходимыми для наших целей, а с другой стороны — всеми методиками экспериментальной психологии (реактологической, плетисмографической, психогальванометрической и другими).

Совокупность подобных методик позволила нам в нашей лаборатории найти нижеприводимые объективные признаки типичной сознательной реакции и типичной автоматической реакции, условного рефлекса. По нашим воззрениям, условный рефлекс у собаки, а тем более у человека, в начале его выработки непременно сопровождается состояниями сознания (об этом говорилось и будет говориться). Лишь в конце процесса выработки условного рефлекса можно говорить о нем, как об автоматическом навыке. Спрашивается, какими характерными объективными признаками выражается, с одной стороны, сознательное действие и, с другой, автоматическое? Если примером элементарного сознательного действия возьмем самую скорую психофизиологическую реакцию — мускульную, имеющую инструкцию: когда услышите стук, то реагируйте как можно скорее; а примером рефлекторного акта возьмем двигательный условный рефлекс на звонок с записью форм движения при помощи реактивного аппарата типа Вейлера, сконструированного в нашей лаборатории, то получим через учет скрытого времени обеих реакций, среднего уклонения этих скрытых времен (латентик), формы реактивного движения (различные отношения скоростей и ускорений движения), сопровождающих обе реакции изменений в пульсе, кровонаполнения (плетисмографии), дыхания (пневмографии) и психогальванометрического феномена, следующие отличительные признаки сознательного и автоматического движения у одного и того же лица:

1. Скрытое время самой скорой психофизиологической реакции — мускульной (при долгом упражнении переходящей в автоматическую) дает среднее время латентики в 110 сигм; то же время у выработавшегося двигательного условного рефлекса значительно меньше — около 70 сигм. Объяснение: в первом процессе оптимальное возбуждение коры, необходимое для осуществления сознаваемости процесса, требует и большего времени; для второго акта достаточно субоптимального возбуждения с соответствующим уменьшенным временем.

2. Среднее уклонение от среднего вывода латентики каждой реакции для всех произведенных ста случаев обеих видов реакции — различно: для психофизиологической реакции у данного испытуемого — 34 сигмы, для автоматической — 10 сигм. Объяснение: более сильное возбуждение сознательной реакции дает иррадиацию токов и тем вызывает и другие переживания, отклоняющие более сильно установку испытуемого.

3. Форма совершаемого движения (кривая движения), измеренная для целей характеристики чрез среднюю, высшую и остаточную скорости, ускорение и коэффициент крутизны, по методике Иссерлина — Ф. Леви, показывает в данном случае для сознательной реакции тип так называемого торможения обратного толчка (*Rückstossbremsung*), а для автоматической реакции — антагонистическое торможение (см. дальше главу об анализе кривой движения). Объяснение: разные по силе типы возбуждения для обеих реакций и господство установки в сознательном движении создают и разные типы формы движения при сознательной и автоматической реакции.



4. Пульс, кровонаполнение и дыхание подвергаются большому изменению при сознательной реакции, отражая участие в этой реакции различных направлений эмоции (см. дальше главу об изучении эмоций), а также напряжения и ослабления внимания, примыкающего к эмоциям; при автоматической реакции в период неокрепшей выработки перечисленные явления заметно слабы; и, вероятно, при совершенно автоматическом акте (идеальном условном рефлексе) эти изменения пульса, кровонаполнения и дыхания почти исчезают. Объяснение: большое возбуждение сознательной реакции прорадирующе распространяется на весь организм, что свидетельствует и о том, что данная реакция есть типично целостная реакция организма; противоположное по силе возбуждение автоматической реакции дает и противоположные эффекты, свидетельствуя об автоматном, а не целостном характере навыка. При чем описанные здесь признаки при начале выработки условного рефлекса имеют все особенности признаков сознательной реакции, что еще раз экспериментальным путем утверждает нас в мысли, что типичный условный рефлекс получается у высших животных и человека путем «выщелачивания» состояний сознания, которые всегда наличествуют в начале опытов по условно-рефлекторной методике и влияют на ее ход (вспомним впереди приведенные жалобы И. П. Павлова на оттенки света, запахи и т. п., «роковым» образом действующие на животное).

5. Психогальванический феномен показывает большие отклонения и частые размахи при сознательной реакции и значительно меньшие при автоматической, что понятно из общего приводимого здесь объяснительного принципа М. Dougal'a и И. П. Павлова.

Большее возбуждение центров коры при сознательном движении объясняется другим, более широким принципом — «рост количества порождает новое качество», и вместе с тем иллюстрирует положение «сознание есть функция *высокой* организованности нашего тела».

Найденные нами признаки сознательного и автоматического действий могут оказать необходимую услугу и сравнительной психологии животных, когда последней, в спорных случаях присутствия или отсутствия элементарных состояний сознания у исследуемых животных, приходится изобретать специфические методики для вскрытия этих состояний, отличающихся от простого рефлекса, инстинкта и автоматического навыка.

Для констатирования качественных ступеней приспособительного поведения животных и человека — психология (человека и сравнительная) располагает объективными научными средствами и тем подкрепляет характерным примером положение Плеханова: знание наше всегда «субъективно», и все-таки оно располагает средствами быть истинным; это средство заключается в постоянной сверке субъективных «отображений» с объективной действительностью, существующей независимо от сознания; такова природа научного мышления вообще и психологического — в частности.

Теперь надлежит нам хотя бы кратко упомянуть о другом крупном современном течении в изучении поведения животных и человека — о направлении *Gestaltpsychologie* (W. Köhler, M. Wertheimer, K. Koffka, K. Goldstein, H. Grühle и др.). Появление этого течения связано с общей эволюцией философских и биологических идей на Западе, и, в частности, с эволюцией психологических теорий, а потому нам придется изложить основные черты направлений современной психологии на Западе и в Америке.

Описание, хотя бы краткое и известное, состояния психологической мысли и науки в Новой Истории поможет нам уяснить позиции марксистской психологии и ее отношение к многочисленным психологическим



направлениям современности. Можно смело сказать, что сейчас на мировой научной сцене происходит борьба за обладание психологией, как наукой (а не против нее, как некоторым это кажется). Исторические классы с их группами и подгруппами естественно стремятся дать свое истолкование и направление изучению явлений сознания с целью направления поведения людей по линии осознанных классовых идеалов и задач дня; только элементарное, чисто физиологическое, поведение может совершаться без участия сознания (выделение слюны, желудочного сока, рвота, тошнота и т. п.); типичное социальное поведение людей характеризуется большей или меньшей сознательностью его.

Венгерский коммунист А. Варьяш в своей, недавно выпущенной Госиздатом, «Истории философии» полагает: важнейшим оружием пролетариата является политическая стратегия, ведущая к завоеванию власти, экономические предпосылки которого находятся в постоянном росте уже десятки лет. Политическая же стратегия нуждается в имеющей объективное значение общественной философии. Но научная теория общества была бы неполной без прикладной социальной психологии»<sup>1)</sup>. А объем социальной психологии Варьяш понимает так: «Вообще, не существует никакой индивидуальной психологии, как науки. Люди живут в обществе, их сознание развивается внутри общества и под реальным воздействием общественного бытия»<sup>2)</sup>. А потому всякая психология является — в той или иной степени — социальной.

С другой стороны, современный идеализм, как мы увидим, стремится освободиться от материалистических основ экспериментальной (физиологической) психологии (см. дальше изложение взглядов на современную психофизиологию Дильтея, Джемса, Мюнстерберга, Наторпа, Гуссерля; особенно выразителен последний).

Борьба классов находит свое отражение во всех науках и прежде всего в науке о сознательном поведении, ибо сознание всегда рассматривалось в психологии как наиболее важный момент социального поведения.

Если попытаться обобщить основные течения психологической мысли в период так называемой Новой Истории, то мы легко заметим три основных течения: спиритуалистическое, эмпирическое и материалистическое; эти течения в тех или иных видоизменениях дошли до нашего времени.

Как известно, Декарт считается основателем новейшего спиритуализма как в философии, так и в психологии. Но, отделивши психику от материи, он позаботился и об основных принципах изучения физиологических процессов, по крайней мере у животных; животные для него — механизмы, лишенные разума, они только машины; изучение их поведения возможно на основе механистического метода. Современные рефлексологи могут найти у Декарта всю свою теорию, конечно, обосновываемую им с большим знанием тех философских взглядов на отношение материи и сознания, которые необходимы для рефлексологии, поскольку она пытается изучать внешнее поведение человека без исследования его сознания. У Декарта можно найти обосновывающее рефлексологию (в ее отличиях от психофизиологии) отрицание возможности изучения явлений сознания методами естествознания; например, «Meditationes» Декарта содержат рассуждения и о том, что между явлениями телесными и явлениями психическими нет причинной связи, оба ряда явлений обладают разнородными свойствами и развиваются самостоятельно.

1) А. Варьяш. «История новой философии», т. I, ч. I, стр. 170, Госиздат, 1926.

2) *Op. cit.*, стр. 44.



Хотя надлежит тут же оговорить некоторый момент двойственности в философско-психологических воззрениях Декарта. И в «Discours de la methode» и в «Passions de l'âme» имеются места, противоречащие дуализму его учения.

«В ясной, не допускающей никаких сомнений, форме он проводит строгую и полную зависимость между состоянием духа, темпераментом и расположением органов тела; по его мнению, от множества болезней духа можно было бы избавиться благодаря медицинской науке и тем лекарствам, которые она предписывает» — говорит новейший исследователь философии того времени<sup>1)</sup>. И все же дуализм материи и сознания является основным положением философско-психологических взглядов Декарта.

Значение и роль Декарта в психологии современным историком философии определяется так: «Открытие сознания было, несомненно, величайшим культурно-историческим деянием Декарта. Ни Платон, ни средневековая философия не обладали ясным представлением о факте сознания. Ту роль, которую со времени Декарта стало в философии играть понятие сознания, ранее играло понятие души. Прежние философы занимались, главным образом, двумя вопросами: 1) проблемой бессмертия, 2) вопросом об универсалиях».

«Первая проблема является чисто метафизическим вопросом; вторая должна была быть теоретико-познавательной, но в действительности тоже является метафизической задачей. Великое открытие Декарта не было использовано ни им самим, ни его последователями. Только поняв историческую почву, на которой выросла новая философия, можем мы объяснить и скудость тогдашней психологии. Это был докапиталистический период развития буржуазии, неблагоприятствовавший в общем задачам самопознания. Эта эпоха была мало психологической: она нуждалась в великих иллюзиях, в лозунгах общечеловеческого избавления, и она закаляла свое оружие, направленное против пришедшего в упадок и обанкротившегося класса, средствами математического естествознания. Развитие современной психологии совпало во времени с появлением марксизма»<sup>2)</sup>. Дуализм материи и сознания является основной чертой философско-психологических взглядов Декарта; этот дуализм и до сих пор дает себя знать и в психологии, и в физиологии.

Спиноза преодолел дуализм Декарта, преодолел настолько и в таком направлении, что Плеханов нашел достаточно оснований, чтобы формулировать: «Marxismus ist eine Art des Spinosismus». Вскрытие материалистических основ учения Спинозы принадлежит современным марксистским исследователям философии, группирующимся вокруг А. М. Деборина<sup>3)</sup>. Идеалистическое же истолкование Спинозы привело в психологии к теориям психофизического параллелизма и тождества (идеалистического); эти теории являются господствующими в современной эмпирической психологии на Западе и в Америке.

Спиритуалистические взгляды Декарта были расширены Лейбницем и Беркли. Лейбниц, как известно, стремился по-своему «преодолеть» дуализм Декарта, разграничивавшего материю и мышление. Для Лейбница суще-

<sup>1)</sup> Влад. Чучмарев. «Материализм Спинозы», стр. 104, изд. «Московский Рабочий».

<sup>2)</sup> Варьяш. «История новой философии», том I, часть I, издание Госиздата, стр. 101, 106 — 107.

<sup>3)</sup> См. статьи - исследования о Спинозе — Деборина, Вайнштейна, Дмитриева, Влад. Чучмарева в журн. «Под знаменем марксизма»; кроме того, статья Деборина в международном сборнике исследований о Спинозе и книга Влад. Чучмарева «Материализм Спинозы», изд. «Московского Рабочего» и его же статьи в «Червонном Шляхе» — «Атеизм Спинозы».



ствуется только одно «духовное бытие» — монады; все состоит из монад; материя есть только низший вид духовных монад.

Из понятий, относящихся специально к психологии, Лейбниц выдвинул понятия «бессознательного» и «апперцепции», — те понятия, которым суждено было сыграть большую роль в экспериментальной психологии (развитие этой психологии совпало, как сказано, с появлением марксизма; основателем экспериментальной психологии обычно считают Фехнера, 1801—1887, и недавно умершего Вундта). Бессознательное Лейбниц описывает так: «Есть много признаков, заставляющих заключить, что в каждое мгновение внутри нас имеется бесконечное множество ощущений, т.-е. изменений в душе, не сопровождающихся сознанием или рефлексией. Мы не сознаем их, потому, что эти впечатления либо слишком слабы и многочисленны, либо же слишком сливаются между собой, так что они не обособляются друг от друга. Но если они связаны с другими, то все же их действие не пропадает, а воспринимается в совокупности, хотя бы и в смешанном виде. Действие привычки в нас так сильно, что мы не обращаем внимания на движение мельницы или водопада, если мы успели свыкнуться с ним в течение некоторого времени»<sup>1)</sup>.

Материалистические установки в экспериментальной психологии, исходя из принципа взаимоотношения количества и качества, могут объяснять факт бессознательных состояний определенной высотой раздражения при определенном состоянии нервной системы. Количество раздражений может быть ниже порога того физиологического возбуждения нерва, функцией которого является заметное ощущение, это и будет неосознаваемый тип раздражений — *бессознательное*.

Такое же состояние нервно-психического аппарата может получиться и в результате длительного повторения раздражителя, осознаваемого вначале, например, когда мы начинаем не обращать внимания на движение водопада, привыкнув к нему. Постановка проблемы бессознательного (в идеалистическом разрезе) принадлежит Лейбницу. Решение ее научными средствами принадлежит уже современной экспериментальной психофизиологии и психофизиологии.

Апперцепция у Лейбница, признававшего различные степени перцептивных состояний его монад (бессознательная перцепция, смутная перцепция, *petite perception*) есть завершение этих состояний; под апперцепцией Лейбниц разумел сознательное представление в противоположность бессознательному и смутному. Вундт использовал этот термин, а отчасти и его логическое содержание для критики господствовавшего в психологии понятия ассоциации. В экспериментальных работах апперцепция у него означает восприятие нового предмета на основе прежнего опыта. Но понятие апперцепции у Вундта дальше было расширено и использовано им и для целей его «индуктивной метафизики»; здесь, в философии, оно часто означало своеобразную «активность духа» в противоположность «пассивности» тела (об этом дальше).

Кульминационным пунктом субъективного идеализма в новой истории философии и психологии является учение Беркли: «быть — значит находиться в сознании» (*esse — percipi*). Новейшие идеалистические течения в философии и психологии — взгляды Маха, Авенариуса, Джемса и других, находясь в тесной зависимости от взглядов Беркли (подробнее об этом дальше). Здесь намечены начальные и конечные пункты спиритуалистического течения в психологической мысли. Психологическая мысль вообще

<sup>1)</sup> Лейбниц. «Nouveaux Essais», предисловие, стр. 10.



тесно примыкает к философской, в особенности же тесно примыкает к соответствующему философскому направлению описанное сейчас направление психологии.

Другое направление в психологии — эмпирическое, — примыкает ко взглядам Бэкона, «отца опытной науки». Это направление вначале являлось шагом вперед по направлению от спиритуализма к материализму. Бэкон, хотя прямо и не занимался вопросами психологии, но в своих исследованиях вопросов новой опытной методологии постоянно соприкасался с психологическими вопросами; его классификация наук (в «*Instauratio magna*») построена на психологическом принципе деления. Наиболее же заметный поворот психологических воззрений своего времени совершил Локк («Опыт о человеческом разуме»). Полемизируя с учением о врожденных идеях Декарта и находясь под влиянием идей Бэкона и Гоббса, Локк уделил много внимания рассмотрению вопроса об источниках нашего познания.

Источником нашего познания, по Локку, является только опыт. *Nihil est in intellectu, quod antea non fuerit in sensu*. Все сложные идеи постепенно вырабатываются из простых, а эти последние — из внешнего или внутреннего опыта, и нет другого источника, кроме опыта. В нашем опыте Локк находит лишь психические явления, а не душевную субстанцию, как в опытных же данных он не находил и врожденных идей. Локка можно считать родоначальником эмпирической, или опытной, психологии, отвечавшей потребностям деятельности и мировоззрения нового общественного класса, побеждавшего врагов реальными, «опытными», ресурсами. Юм продолжает развитие эмпирической психологии в духе Локка и выдвигает на первый план понятие ассоциации (известное и ранее). Разработанное учение об ассоциациях вводит в психологию новый принцип, объясняющий механику представлений механикой вещей реального мира. Это направление в XIX веке расцвело в форме ассоциационной психологии (Рид, Дюг. Стюарт, Джеймс Милль, Дж. Ст. Милль, А. Бэн, Г. Спенсер, Гербарт) и дожило почти до нашего времени (Эббингауз, Циген и др.). Ассоциационная психология, опираясь в последнее время на данные физиологии, считает акт ассоциации основным законом жизни сознания; этому закону в психологии данным направлением отводится такое место, как закону всемирного тяготения в физике (теория условных рефлексов есть частный случай теории ассоциации).

Одной из главных характерных черт того направления современной психологии, которое можно было бы назвать эмпиризмом, является стремление держаться только «опытных» данных в своем исследовании, избегая постановки опытным же путем вопросов о природе сознания, о взаимоотношении материи и сознания.

Конечно, эмпирическое направление современной психологии представляет часто амальгаму взглядов Локка, Юма со взглядами Декарта, Спинозы (в идеалистическом истолковании), Лейбница, Беркли и др. Эмпирики часто считают вопрос о взаимоотношении сознания и материи «метафизическим», хотя то или иное решение этого вопроса всегда присутствует у них, хотя бы и неосознанно, во всех экспериментальных работах, затрагивающих вопросы поведения, и в особенности — сознательного поведения человека. Но обычно эмпирики, психологи и те физиологи, которые соприкасаются с вопросами поведения, снимают с себя обет молчания по вопросу о природе исследуемых объектов в своих трудах и главах неэкспериментального характера; здесь они оказываются чаще всего красноречивыми защитниками идеализма. При таком двуликом фронте их мысли им кажется, что им удастся и сохранить «ореол» точного экспериментатора, и высказать



свои философские убеждения, носящие явные следы классовой идеологии и чаще всего противоречащие положительным данным их эксперимента.

Принципиальные вопросы природы сознания, его отношения к материи, его познаваемости и подобные вопросы, конечно, не есть вопросы другой познавательной природы, чем вопросы, разрешаемые в экспериментальных науках. Можно еще говорить о временном *пока* несовершенстве, недостаточности точных методов в науках; но из этого вытекает лишь необходимость более энергичной работы по усовершенствованию и изобретению нужных средств для разрешения основных вопросов бытия и познания, с которыми то и дело встречается наука, т. е. вытекает углубленная работа наук, а не принципиальное разделение их на области, никогда не соединимые по характеру и степени научности их методов. «Остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям». Путанный идеализм «засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути посредством пустого словесного выверта»<sup>1)</sup>.

Материалистическое философско-психологическое направление выступило в Новой Истории одновременно со спиритуалистическим, в противовес ему, и раньше эмпирического, повлияв на последнее.

Родоначальником материалистической психологии можно считать Гоббса (1588—1679)—непосредственного ученика Бэкона («*Elementa philosophica*», «О человеческой природе»). Онтологическая реальность, по Гоббсу, принадлежит только материальным телам; основные свойства тел — величина и движение. Науки имеют своим предметом изучение движений материи. Мышление должно уловить в математических формулировках движения материи. Гоббс — материалист-механист. Из движения объясняются и явления сознания. Но это не мешает Гоббсу тщательно описывать особенности различных психических функций. Движения в природе воздействуют на наши органы чувств и вызывают движения в нерве, доходящие до мозга. Движения в мозгу обуславливают появление впечатлений и идей; идеи связываются между собою. Прочность связей идей зависит от частоты совместного переживания идей. Основой ассоциации служат физиологические следы движений в мозгу. Впечатления вызывают реакции организма в форме удовольствия (положительную) или неудовольствия (отрицательную). Организм стремится сохранить в своем обладании предмет, вызывающий удовольствие; такое состояние есть уж новый вид психических состояний — расположение, влечение; стремление избавиться от неудовольствия ведет к отрицательной форме поведения — отталкиванию от предмета. Расположение и отвращение приводят к сознательным действиям. Действию предшествует обдумывание его, т. е. мысленная оценка результатов возможных действий, и этот акт называется выбором. Волею называется завершение акта обдумывания внешним действием. Понятие такой воли, по Гоббсу, не противоречит закону причинности. В волевых действиях свобода и необходимость соединены: человек подчинен в своем сознательном поведении причинности, свобода состоит в отыскании обдумыванием необходимого поведения.

Изложенными взглядами Гоббс повлиял не только на материалистов, следовавших за ним, но и на эмпириков (Локка, ассоцианистов).

<sup>1)</sup> Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 38.



Восемнадцатый век дал Ламметри, Гольбаха, Гельвеция. Ламметри (1706 — 1751) освещал природу сознания, исходя из фактов, указывающих на зависимость состояний сознания от состояний тела («Человек машина», «Трактат о душе» и др.): изменения в состоянии тела вызывают и изменения в состоянии сознания; но отношение между сознанием и физиологическими процессами в теле является отношением зависимости первых от вторых; психические способности находятся в зависимости от организации мозга и всего тела. Ламметри сравнивает человека не только с животными, но и с растением (сочин. «Человек растение»); при этом Ламметри, признавая материю за основу всего сущего, стремится установить и своеобразие организации человека<sup>1</sup>).

Но основным взглядом Ламметри на отношение материи и сознания является все же теория всеобщей одушевленности природы; мышление есть свойство всей материи, атому присуще свойство мыслить.

Гольбах (1723 — 1789) в «System de la nature ou des lois du monde physique et du monde morale» устанавливает взаимоотношение материи и сознания и природу последнего: «Сознание есть свойство не всякой материи, а лишь высокоорганизованной». Гольбах отказывается от теории всеобщей одушевленности. При чем, для Гольбаха момент сознания, будучи свойством высокоорганизованной материи, является и важнейшим моментом поведения человека; сознательное поведение человека и образует тот «моральный мир» человека, законы которого Гольбах рассматривал в своей «System de la nature». Материалистические взгляды Гольбаха особенно близки нашему времени.

К материалистам, высказывавшим определение суждения по психологическим вопросам, принадлежат, как известно, Пристли, Фохт, Моллешот, Бюхнер и др.

Диалектический материализм в трудах Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина имеет вполне определенные ответы на основные вопросы психологии. Эти ответы мы и пытались привести в этой главе нашего исследования при рассмотрении основных вопросов марксистской психологии.

Если мы теперь рассмотрим указанные здесь три основных психологических направления по отдельным странам, то мы найдем их везде в тех или иных количественных отношениях, в зависимости от экономического и культурного уровня страны и столетия. Отличие XVII и XVIII веков от XIX и XX будет заключаться в том, что в XVII и XVIII веках официальное господство принадлежит спиритуализму и эмпиризму; в XIX же веке, а в особенности в XX веке, господство начинает склоняться в пользу материализма при наличии огромного влияния позитивистического эмпиризма. В настоящее время, например, в Америке борьба загорается преимущественно между более старым эмпиризмом и новейшим идеализмом; в нашем Союзе — между эмпиризмом и марксистским направлением. Борьба на Западе и Америке обостряется и дифференцируется. А так как мы по привычке обращаемся за справками на Запад и в Америку, то такое состояние там психологии смущает лиц, соприкасающихся с психологией, но не знакомых достаточно с принципиальной сутью борьбы в ней (а лиц, ну-

1) Ламметри повлиял на нашего философа А. Н. Радищева; проф. Лапшин, рассматривая это влияние, находил, что Радищев упрекает Ламметри за сравнение человека с растением; наше исследование (частью опубликованное — см. статью «Участие Радищева в журнальной литературе. К социологии творчества Радищева») — говорит за параллелизм сравнений человека с растением у Ламметри и Радищева и за стремление их обоих найти не только сходство, но и различие растений и человека. (См. упомянутую статью в «Сборнике Кафедры Истории Европейской Культуры», т. II, изд. Укр. Главнауки и отдельно).



ждающихся в своей деятельности в знании психологии весьма много: юристы, врачи, педагоги, техники и др.). Обычно несведущими подчеркивается при этом «хаос, царящий в современной психологии», между тем как в ней идут правильные стратегические бои за «обладание» наукой о сознательном поведении; ибо вопрос того или иного направления этого поведения является интересным и важным делом борющихся классов и групп при организации жизни по их идеалам.

Если проследить по отдельным странам основные психологические течения, то, приняв во внимание особенности исторического развития каждой страны, мы будем иметь для Франции XVII и XVIII веков следующую картину: спиритуалисты составляют в это время довольно крупную группу вокруг Декарта, Мальбранша; эмпирики здесь составляют относительно небольшую группу, если к ним причислить Кондильяка; заметную группу образуют материалисты вокруг учений Гольбаха, Ламетри, Гельвеция. Переходя в первую половину XIX века, мы имеем во Франции «воскрешение» спиритуализма у Кузена, Мэн-ди-Бирана, Жюффруа; но спиритуализм этих философов большого значения в идеологии и психологии Франции XIX в. не имел. Крупнейшим течением второй половины XIX века здесь является эмпиризм физиологов, психиатров и экспериментальных психологов: Шарко, Рибо, Фере, Рише, Жане, Бине и др. Эти ученые являются плодовитыми эмпириками в экспериментальной части своих работ при определенных идеалистических воззрениях в своих обобщениях философского характера. Материалистические течения в современной Франции, по условиям общественно-политической жизни, — в загоне.

Англия дает перевес эмпиризму, как в XVII — XVIII веках (Бэкон, Локк, Юм), так и в XIX в. (Милль, Спенсер, Бэн, Шерингтон и др.). Беркли для первого периода является кульминационным пунктом спиритуалистических воззрений в Англии. Материализм в XVII веке ярко выражен Гоббсом, а в конце XVIII века представлен, например, в лице Пристли, давшего материалистическое обоснование учению об ассоциациях. В XIX веке в Англии господствует преимущественно эмпиризм при ослабевшем прямом спиритуализме, но зато Англия дает ряд эмпириков, работы которых имеют большое значение для материализма и его психологии: это работы Дарвина, Спенсера, Ллойда Моргана, Шерингтона и др. На примере разобранного Ллойда Моргана можно видеть большое значение научных работ этих ученых для материализма и частую путаницу и неясность их философических взглядов.

В Германии кульминационной точкой развития спиритуалистической психологии являются воззрения Лейбница, популяризованные Вольфом. Кант (в «Антропологии») дал крен психологической мысли в пользу эмпиризма; он подкрепил выдвинутое вольфианцем Тетенсом трехчленное деление психических функций (ум, чувство, воля), он подверг суровой критике безраздельно господствовавший в спиритуалистической психологии метод самонаблюдения. Герbart, в философии стоявший близко к Лейбницу, во взглядах на методы психологии приближался скорее к Канту. Он пытался заменить понятие способности души понятием «состояния» сознания; объяснение всех психических состояний он видел в различных отношениях основной единицы сознания — «представления» (близость к монадологии Лейбница), но при этом Герbart стремился найти математическое выражение для различных отношений представлений. Из школы Гербарта вышел физиолог Э. Вебер, занявшийся количественным отношением раздражения и ощущения; эти исследования были завершены физиком Фехнером, давшим общую математическую формулу этого отношения (закон Вебера-



Фехнера), рассмотрение которой привлекает внимание психологии и биологической физики и до настоящего дня (работы акад. Лазарева).

Психология, сблизившись с математикой и физикой у Гербарта, Вебера и Фехнера, окончательно сложилась в характерную дисциплину, новую по характеру методов — в физиологическую психологию — со времен экспериментально-психологических работ Вундта, бывшего в начале своей ученой деятельности чистым физиологом. Многотомные «Основы физиологической психологии» Вундта, в их положительной экспериментальной части, и можно считать началом психофизиологии. На некоторое время центром психологии для всего мира являлась лейпцигская лаборатория экспериментальной психологии Вундта. Работы многочисленных учеников Вундта и школы Эббингауза являются источником новейших достижений экспериментальной физиологической психологии на Западе. Кульминационная точка эмпирического направления в психологии, не только для Германии, но и для всего мира, по нашему мнению, дана в работах Вундта и его школы.

Основные принципиальные направления в психологии — материалистическое и спиритуалистическое — во второй полов. XIX в. консолидируются.

Материалистические взгляды на природу человека и, в частности, на его сознание далеко продвинул вперед в первой половине XIX века Людвиг Фейербах. Мы ограничимся здесь наиболее важными положениями Фейербаха, освещающими вопросы, нужные психологии. «Всего разумнее... принять, что мир был и будет вечно, что он, стало быть, имеет в себе самом основу своего существования»<sup>1</sup>). «Первые растения и животные... произошли из естественных веществ и в силу естественных причин, вообще все существа и тела мира произошли не от существа, не принадлежащего к миру или находящегося вне его, а от существа мирского, естественного», т.-е. природы, — прибавляет материалистический комментатор учения Спинозы, влияние которого сказалось на Фейербахе<sup>2</sup>). «Не бог сотворил человека, а человек сотворил богов» — говорит Фейербах в «Wesen d. Religion» и «Wesen d. Christentums». Сознание человека, по Фейербаху, определяется материальным бытом: «Пища превращается в кровь, кровь — в сердце и мозг, в материю мыслей и убеждений. Если вы желаете улучшить народ, дайте ему вместо деклараций против грехов лучшую пищу. Человек есть то, что он кушает» («Feuerbach's Briefwechsel und Nachlass», Leipzig, 1874, в. II, стр. 90). Фейербах оказал, как известно, огромное влияние в России на Чернышевского. Взгляды Чернышевского, по мнению исследователей, могут служить популяризацией антропологических воззрений Спинозы и Фейербаха. «В основании философских взглядов Чернышевского лежит принцип единства человеческого организма. Принцип этот требует, чтобы на человека смотрели, как на одно существо, имеющее только одну природу; чтобы не разрезывали человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие к различным природам»<sup>3</sup>), но Чернышевский, вслед за Фейербахом, «никогда не отрицал разницы между психическими и физическими явлениями; он полагал, что разница эта не дает никаких оснований для того, чтобы относить психические явления за счет особого, нематериального, фактора, т.-е. за счет нематериальной души»<sup>4</sup>).

Воззрения Л. Фейербаха были исправлены и дополнены К. Марксом в широко известных «Тезисах о Фейербахе»: «Главный недостаток мате-

<sup>1</sup>) Л. Фейербах, т. III, стр. 124.

<sup>2</sup>) Влад. Чучмарев. «Материализм Спинозы», стр. 53.

<sup>3</sup>) *Op. cit.*, стр. 92.

<sup>4</sup>) *Op. cit.*, стр. 94.



риализма — до феербаховского включительно — состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами, мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно» (тезис 1). Здесь Маркс определяет сущность человеческого поведения. «Недовольный отвлеченным мышлением, — продолжает К. Маркс, — Фейербах взывает к впечатлениям, получаемым внешними чувствами; но мир конкретных явлений не представляется ему в виде конкретной практической человеческой деятельности» (тезис 5). «Сущность религии Фейербах объясняет сущностью человека. Но сущность человека — это вовсе не абстракт, свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность общественных отношений» (тезис 6). «Общественная жизнь есть жизнь практическая по существу. Все таинственное, все то, что ведет теорию к мистицизму, находит рациональное решение в человеческой практике и в понимании этой практики».

Диалектический материализм Маркса и Энгельса завершил все ценное, что было в предшествующих материалистических учениях, и дал глубокий анализ общественно-экономических явлений и философских понятий. И хотя Маркс и Энгельс вопросами психологии специально не занимались, но в их многочисленных трудах освещены основные вопросы материалистической природы сознания, его роли и познаваемости. Плеханов и Ленин расширили и укрепили освещение основных психологических воззрений диалектического материализма. Основные положения этих воззрений мы приводили в этой статье. Приведем формулировку тех особенностей, которые характеризуют диалектический материализм по сравнению с другими формами материализма, и которые имеют ближайшее отношение к психологии.

Энгельс говорит: «Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и, далее, биологию — химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую и, значит, связь, непрерывность, а также различие, разрыв между обеими областями». «Физиология есть, разумеется, физика и, в особенности, химия живого тела, но вместе с тем она перестает быть специально химией: с одной стороны, сфера ее действия здесь ограничивается, но, с другой — она поднимается на высшую ступень». «Химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае. Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?»<sup>1)</sup>.

Завершение философии материализма в трудах Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина вызывало консолидацию и движение в философских и психофизиологических кругах буржуазного мира. Диаметально противоположное — спиритуалистическое — направление отказалось от наивной формы дуализма и параллелизма; помощью этих понятий теперь трудно было бороться в идеологии с воинствующим материалистическим монизмом.

Новейший идеализм — имманентов, эмпириокритиков, прагматистов — характеризуется изощренной формой, когда даже лица, хорошо знакомые с учением Маркса, не всегда могут распознать в нем замаскированную идеалистическую сущность. Пример: отношение некоторых марксистов к учению Маха и Авенариуса. Менее известный пример — взгляды Джемса.

<sup>1)</sup> «Архив К. Маркса и Энгельса», под ред. Рязанова, кн. 2, стр. 27 — 29.



Американский крайний бихевиоризм Уотсона усвоил некоторые взгляды крупнейшего философа и психолога современной Америки — В. Джемса. Джемс объявляет себя «материалистом», потому что он не находит достаточных доказательств реальности сознания. Эти мысли за ним повторяет простоудшно, а потому и путанно Уотсон, а дальше, еще более путанно, русские последователи Уотсона. А между тем не много требуется, чтобы видеть идеалистическую природу взглядов Джемса (к разбору его взглядов мы вернемся). Основные направления философско-психологической мысли нашего времени, материалистическое и идеалистическое, укрепляют свои боевые позиции. Объективный ход жизни за материалистический фронт, тем сильнее и искуснее приходится маскировать свои позиции идеализму; эта маскировка иногда улавливает в свои сети недостаточно подготовленных к характеру боя.

Каково же положение эмпирического направления в условиях наступившей внутренней консолидации каждого из основных направлений — материалистического и спиритуалистического? Как промежуточное между основными принципиальными позициями, это направление распадается, отходя частью к материализму, а частью — к идеализму. Максимум собственной консолидации эмпиризм в XIX веке имел в научном творчестве Фехнера-Вундта. Но уже в их времена мы имеем группу выразительных материалистов, имевших большое значение не столько в философско-социологической мысли, сколько в психофизиологической, это — Моешот, Фохт, Бюхнер. Эти ученые вышли из кругов эмпириков своего времени. До некоторой степени этим объясняется и тот факт, что эти же ученые, не будучи связаны органически с материализмом, как философией, не примкнули к материализму Маркса и Энгельса, а повторили в своих основных воззрениях взгляды материалистов XVIII века. Моешот связывает сознание с движением материальных частиц; сознание есть модификация материи особой сложности; «нет силы без материи и нет материи без силы» — было его основным положением. Для Фохта сознание есть функция материи. Бюхнер в популярной в свое время за границей и в России книге «Kraft und Stoff» определял сознание, как результат деятельности материальной субстанции. Из кругов ученых эмпириков выкристаллизовался и такой материалист, как Э. Геккель, затрагивавший и вопросы психофизиологии. К этой же группе ученых принадлежал в начале своей ученой деятельности и Ллойд Морган. Представители естественно-исторического материализма отделяются от основного ядра эмпириков, значительно сближаясь с диалектическим материализмом.

Для эмпиризма, как господствующего психофизиологического направления в Европе конца XIX века, создалось положение неустойчивого равновесия. Введение в психологию методов естествознания (физики с математикой и физиологии) преобразили до неузнаваемости роль самонаблюдения — единственного метода прежней рационалистической психологии. Эти новые методы и строго экспериментальный характер работ стихийно увлекали работников в сторону выводов в пользу материализма. Классовая же идеология работников физиологической психологии (психологов и многочисленных физиологов, психиатров, невропатологов, занимавшихся психологическими вопросами) заставляли обходить материалистические выводы, вытекавшие из экспериментальных данных. Тот или иной вывод из этого положения неустойчивого равновесия отчасти зависел от личных свойств психофизиолога-эмпирика, а главным образом — от господствующей идеологии класса и группы, к которым принадлежал данный ученый.

Одни, как Фехнер, Вундт, Риль, Паульсен, Гефдинг, ссылаясь на закон сохранения энергии, описывают отношение психического и физического



по такому типу: «Когда у нас в сознании совершаются какие-либо процессы, то в это время в нашем теле совершаются определенные физиологические процессы, и наоборот: когда у нас в мозгу совершаются какие-нибудь процессы, то соответственно с этим в сознании имеются налицо какие-либо психические процессы». При этом предполагается, что «при таком понимании всякий вопрос о причинности или о взаимодействии между психическими и физическими явлениями исключается, о них следует говорить только, что они соответствуют друг другу, что они совершаются одновременно друг с другом или параллельно друг другу»<sup>1)</sup>. Но идеалистический эмпиризм не мог успокоиться на параллелизме при наличии материалистического монизма. И Вундт в одной из заключительных работ по психологии<sup>2)</sup> параллелизм истолковывает в смысле тождества. «На первый взгляд,— пишет Вундт,— может казаться, что те и другие предметы совершенно отличны друг от друга, но на самом деле между ними такого абсолютного различия не существует. Предметы внешнего мира, или предметы естествознания, отличаются от предметов внутреннего мира, или предметов психологии, только точкой зрения. Те же самые предметы, которые естествознание рассматривает в отличие от суб'екта, психология рассматривает в отношении к суб'екту. Таким образом, оказывается, что предмет естествознания и предмет психологии один и тот же, но только точки зрения на него различны. В этом смысле и предмет естествознания и предмет психологии суть элементы одного и того же опыта, рассматриваемого с различных точек зрения». Конечно, тождество Вундта есть признание сознания основой мира. Тогда разница между эмпиризмом экспериментальной науки и новейшим идеализмом стирается. Ведь то же мы имеем и у имманентов (В. Шuppe, Шуберт-Зольдери, Ремке и др.): быть — значит находиться в сознании (из Беркли); объект есть представление; все данное есть содержание сознания. Для Маха не тела производят ощущения, а комплексы ощущений, относительно постоянные, получают особые названия и называются телами. А потому задачи науки, по Маху, состоят лишь в следующем: 1) исследовать законы связи между представлениями (психология), 2) открывать законы связи между ощущениями (физика), 3) разъяснять законы связи между ощущениями и представлениями (психофизика<sup>3)</sup>). То же мы встречаем и у Авенариуса.

Любопытнее других взгляды Джемса. Для него психологию надлежит изучать, как естественную науку, что он добросовестно и делает в «Основаниях психологии» и в распространенном курсе «Психологии», с тем, чтобы в 27 главе, последней, заявить: «Принципы, принимаемые на веру отдельными науками, требуют взаимной проверки в метафизике». Первым вопросом, требующим «санкции метафизики», Джемс считает вопрос отношения сознания к мозгу. Метафизика Джемса этот вопрос решает так: «Из всех точек зрения на это отношение, наиболее состоятельным в логическом отношении я считаю,— говорит Джемс,— спиритуалистическую теорию». И тут же он прибавляет: «Существование состояний сознания, как таковых, не есть вполне доказанный факт, я не вполне уверен в существовании этого внутреннего процесса; состояния сознания, наличность которых в нас не отвергает ни одна психология, не поддаются поэтому определению, если их отделить от познаваемости объектов». А в статье, интригующе озаглавленной «Существует ли сознание?», он заостряет вопрос

<sup>1)</sup> Челпанов, «Введение в философию», 1918, стр. 161.

<sup>2)</sup> Вундт. «Очерки психологии».

<sup>3)</sup> E. Mach. «Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit», Прага, 1872.



тезисом<sup>1)</sup>: «Я утверждаю, что раз «сознание» так уж значительно испарилось, то это значит, что оно скоро совершенно исчезнет. Приверженцы его ловят эхо, глухой гул, развеянный исчезающей «душой» в атмосфере философии». И предвидя эффект подобных слов среди некоторых читателей, он пишет: «Мне очень жалко, что многие увидят в нем материализм, но тут уже ничего не поделаешь, и у меня есть свои инструкции. и я должен покоряться им»<sup>2)</sup>. Как известно, эти «материалистические» интуиции дали у Джемса «Многообразие религиозного опыта» и увлечение спиритизмом.

Присмотримся ближе к «материализму» Джемса. «Мое положение заключается в том,— говорит Джемс,— что если допустить существование одного только первоначального вещества или мировой материи, вещества, объемлющего собою все, и если назвать это вещество «чистым опытом», то легко объяснить познание, как особый вид взаимоотношения, в который входят различные элементы чистого опыта»<sup>3)</sup>. Итак, по Джемсу, первоначальное вещество мира есть «чистый опыт». «Я хочу сказать,— продолжает он,— что нет первоначальной материи или качества бытия, составляющего наши мысли о вещах, в противоположность вещам», т.-е. мысли и вещи — одно и то же. «Я утверждаю,— продолжает Джемс,— что единая часть опыта, взятая в определенном контексте, играет роль познающего, душевного состояния, сознания, тогда как в другом контексте тот же единый отрезок опыта будет играть роль познанной вещи, объективного «содержания». Одним словом,— заключает Джемс,— в одном сочетании он фигурирует как мысль, в другом — как вещь»<sup>4)</sup>. Перед нами формулировки идеалистического тождества, близкие даже по форме ко взглядам Маха-Авенариуса (например, в «Критике чистого опыта» Авенариуса, и в «Анализе ощущений» Маха).

Прагматизм Джемса, этого подлинного и крупного философа современной Америки, соединяет новейший идеализм и делячество американского промышленного общества, где, с одной стороны, мы имеем судебный процесс против учителя-дарвиниста, а с другой стороны — бихевиоризм Уотсона, Lashley, Weiss'a и под. Америка промышленников пытается оформить своеобразие своей идеологии. Это стремление откровеннее других выражает второстепенный, по сравнению с Джемсом, мыслитель — Уотсон. В своей «Психологии», популяризируемой некоторыми в Союзе, он говорит: «Бихевиоризм (его — Уотсона) стал принятым в обществе, многие, кто даже мало знаком с его основными положениями, объявляют себя его сторонниками (стр. XIII — XIV издания под редакцией В. П. Протопопова); бихевиористская психология является чисто американским произведением (стр. XVI); если мы хотим когда-либо научиться жить совместно, в тех близких взаимоотношениях, которые требуются современной общественной и промышленной жизнью, то мы должны заняться изучением современной психологии» (стр. XVIII), т.-е. бихевиоризм Уотсона может научить жить совместно, например, фабрикантов и рабочих, в близких взаимоотношениях, которые требуются современной общественной и промышленной жизнью Америки. Для этого, как известно, по Уотсону, наука психология не должна заниматься исследованием специфических особенностей сознательного поведения рабочих, а должна заняться изобретением верных методов направления только внешнего поведения рабочих, без обращения к их сознанию. (Сам Уотсон в последнее время служит «научным»

<sup>1)</sup> «Новые идеи в философии», сборн. 4, стр. 103, изд. 1913 г.

<sup>2)</sup> Op. cit., стр. 126.

<sup>3)</sup> Op. cit., стр. 104.

<sup>4)</sup> Op. cit., стр. 103, 107 — 108.



консультантом по изобретению вывесок и плакатов для промышленников). Такое решение вопроса о методах влияния на человека, впрочем, и в Америке не всеми разделяется; известно, что Форд пытается пленить именно сознание рабочих своими порядками на его заводах и этим достигает некоторых преимуществ в конкуренции с другими промышленниками, вероятно, предпочитающими принципы управления рабочими по Уотсону.

Преподносимая нашим учителям «Психология» Уотсона, в своих специфических особенностях, является выражением основных взглядов американского промышленного общества. Пусть просвещаются! Но нам надлежит указать корни и характер философии и психологии американского промышленного общества. Философия прагматизма Джемса находит свою близкую аналогию в учении Маха, Авенариуса и, в частности, по нашему мнению, в их «принципе наименьшей траты сил». «Сочинение Авенариуса «Философия, как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты сил» (1876) применяет этот принцип, — говорит Ленин, — таким образом, что во имя «экономии мышления» объявляется существующим только ощущение»<sup>1)</sup>. Одновременно такой принцип санкционирует всякую экономию промышленника на фабрике.

Мах и Авенариус восходят к наиболее выразительному субъективному идеалисту Беркли, как первоисточнику, что разъяснил Ленин. Их американская копия — Джемс сам вменяет себе в заслугу, что он пошел дальше Беркли. По этому вопросу Джемс говорит: «Беркли указал, что здравый смысл подразумевает под реальностью совершенно то же, что философ под идеями. Беркли не выяснил своей мысли до конца, но мне кажется, — продолжает Джемс, — что заслуга защищаемой мной теории заключается только в том, что она *последовательно* развивает «прагматический» метод, впервые примененный им» (Беркли<sup>2)</sup>). Тут же Джемс по вопросу «Существует ли сознание?» солидаризуется со следующими философами, вероятно, по Джемсу, тоже «материалистами»: «По теориям таких философов, — говорит Джемс, — как Шуппе, Ремке, Наторп, Мюнстерберг, Шуберт-Зольдери и другие, духовное начало рассеивается в чисто призрачное состояние»<sup>3)</sup>.

«Сознание не существует, я материалист» — говорит подобными тирадами Джемс с тем, чтобы утвердить мысль Беркли: сознание — все, *esse* — *percipi*.

Над кем смеется Джемс? Во всяком случае, не над материалистами, а над теми, кто в Америке же за ним повторяет: «Нет никаких объективных доказательств сознания», а потому надлежит изучать только внешнее поведение человека, — как это формулирует, например, Уотсон; выводы Уотсона о «внешнем поведении» продиктованы американской промышленной жизнью с ее тейлоризмом в разнообразных формах, а выводы об отсутствии «объективных» доказательств сознания — прагматизмом «материалиста» Джемса. Из подобных взглядов Уотсона у нас делают дальше вывод: «бихевиоризм Уотсона, как и рефлексология, опирается на теорию материалистического монизма» (Протопопов).

Взгляды Джемса вообще, и в частности взгляды в статье, якобы отрицающей сознание, по сути — чистый идеализм, по форме — мимикрия под материализм, предназначенная для некоторого сорта читателей. Ленин так оценивает взгляды Джемса: «Едва ли не «последней модой» самоновейшей американской философии является прагматизм... Прагматизм высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на пози-

<sup>1)</sup> Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 168.

<sup>2)</sup> Op. cit., стр. 108.

<sup>3)</sup> Op. cit., стр. 103.



тивистские течения вообще, опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема, на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности» и... преблагополучно выводит из всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта... Различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны, с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом».<sup>1)</sup> Взгляды Джемса являют собою тип исхода эмпиризма в психологии в сторону принципиального новейшего идеализма с формулировками последнего иногда в терминах псевдоматериалистических («я против сознания, я — материалист»), что приводит некоторых популяризаторов, как мы видели, к употреблению аргументов Джемса-Уотсона, как подлинно материалистических.

Слова Ленина об идеалистах, «без всякой метафизики преблагополучно выводящих бога в целях практических», могут буквально относиться и ко взглядам русского философа-психолога А. И. Введенского, написавшего эмпирическую «Психологию без всякой метафизики» и «Логику, как часть теории познания». Взгляды Введенского могут служить примером другого, хотя и близкого Джемсу, типа исхода эмпиризма. В «Логике» проф. Введенский утверждает: достоверным научным знанием располагает лишь математика и естествознание; о боге, бессмертии души, свободе воли и чужом одушевлении не может быть науки, а лишь морально обоснованная вера. Здесь налицо и строгий научный опыт и вера в бессмертие души и бога, а между ними отрицание научной познаваемости явлений сознания, как не относящихся, по мнению Введенского, к естествознанию. Переход от науки к вере начинается с отрицания сознания, как предмета естествознания, и отнесения его после этого в область веры. Если у физиологов-эмпириков, затрагивавших вопросы поведения, была какая-либо философия, то, как известно, это была философия Введенского, не говоря уже о том, что из нее исходил такой вполне последовательный теоретик-рефлексолог, хотя и плохой эмпирист, как Енчмен. Взгляды Введенского представляют один из выходов эмпиризма в сторону принципиального идеализма ценою непознаваемости психики; для работника положительной, экспериментальной, науки непознаваемость сознания, как впереди говорилось, есть противоречие, ибо она ведет к солипсизму.

Есть еще и иные выходы для «объективного» эмпиризма при изучении поведения человека. Например, выход, принадлежащий обычно лицам со слабой философской подготовкой. Вопрос о взаимоотношении сознания и материи и о возможных методах изучения первого эти эмпирики разрешают такими приемами: называют явления сознания «субъективными» с переменной содержания этого термина: один раз «субъективный» означает «сознание», другой раз — «произвольный», «выдуманный» и т. п. Таким путем получается следующее решение великой проблемы философии: субъективное (сознание) — «субъективно» (произвольно), а потому не подлежит изучению «объективной» науки. Если же таким эмпирикам приходится иметь дело в своих опытах с поведением человека, обычно сознательным, то они просто замалчивают тот факт, что им предстоит психофизиологический объект. Если при таком отношении к задаче иногда и получаются некоторые выводы, то они обязаны не столько сознательной установке экспериментатора, сколько сознательному поведению испытуемого. Условно-рефлексологическая методика при изучении человека, да и высшего животного, как впереди говорилось, имеет дело с психофизиологическим по-

<sup>1)</sup> Ленин. Сочинения, т. X, стр. 289.



ведением человека, особенности которого при этом просто замалчиваются. Это влияние бывает сильно и при классической условной методике — слюнной (см. дальше исследования условных слюнных рефлексов). Особенно же сильное влияние психофизиологических состояний на ход рефлексологических опытов имеется при двигательной методике. Присмотримся к типичному примеру такой методики: в лабораторную комнату вводится человек, усаживается на скамью так, что в ногу его может быть пущен электрический ток, поднятие ноги от достаточно сильного тока автоматически регистрируется аппаратом; одновременно или почти одновременно с пуском тока дается условный раздражитель, например, звонок; после ряда опытов испытуемый совершает движение ногой и без пуска тока в нее, а лишь под влиянием условного раздражителя. С первого взгляда здесь имеется как будто сходство с классическими опытами Павлова, по существу же мы имеем здесь глубоко отличные процессы. Представим себе испытуемого, к сознанию которого экспериментаторы прямо в форме инструкции или косвенно — путем обсуждения задач опыта — не обращаются, в чем и выражается сущность рефлексологической методики; о сути опытов испытуемый ничего не знает; такой испытуемый при получении удара тока в ногу, естественно, ее одернет или подымет, если она укреплена на особом приспособлении, спустя же некоторое время он ее опустит на место электрического контакта; будет пущен во второй раз ток; испытуемый — нормальный человек, к сознанию которого в опыте не обращались, и сам он не знает задач опыта (мы такого предположили) — во второй или третий раз отставит ногу или в сторону от причиняющего ему боль места, или поднимет ногу и не будет больше опускать на жальщее его место, или если он догадается о том, чего от него хотят «немые» экспериментаторы, то он, вместо них, быть может, из деликатности пред ними, обратится к своему сознанию со следующей инструкцией: «поднимай ногу при каждом электрическом ударе и непременно опускай ее на прежнее место», или, быть может, скажет себе другую инструкцию. Но это тем хуже для опытов, представляющих собою не рефлексологические опыты, где действие получается, лишь как функция раздражения, а реактологические, психологические, где поведение определяется внешним раздражением и инструкцией, обращенной к сознанию испытуемого в лаборатории экспериментатором, а в жизни — его социальным опытом. Эффект поведения при данной методике не предсказываем без предварительного обращения, прямого или косвенного, к психике испытуемого; такая рефлексология есть часть психологии, а именно — учения о тех волевых действиях, которые вначале сопровождалась сознанием, а затем, под влиянием повторения, обратились в автоматические движения, не сопровождаемые совсем или сопровождаемые в малой степени сознанием; пример: обучение на пианино вначале — с большой тратой внимания и мысли — и игра виртуоза-пианиста через десятки лет такого обучения иллюстрируют привычные волевые действия в их психологическом генезе и последующем регрессе.

Такая рефлексология возможна благодаря наличию психологии; экспериментальная психология может поблагодарить ее за увеличение своей богатой методики еще одним видом психологического эксперимента в области изучения волевых регрессивных актов, дающих в результате длительных упражнений автоматическую привычку. Вундт 50 лет тому назад уделил внимание экспериментальному исследованию этих актов поведения («Основы физиологической психологии»<sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Том III, стр. 311, 330, 491, 543 и др.